83
С317

Сенявин А

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ПУШКИН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

составил

Аркадий Сенявин

ГОСЛИТИЗДАТ
1939

4470

4014/~~12.01.92~~
Я 00102

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

8(с)р 891
С-317

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ПРОВЕРЕНО
в 19[illegible] г.

ПУШКИН

ПРОВЕРЕНО
1959 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

СОСТАВИЛ

АРКАДИЙ СЕНЯВИН

4470

Библиотека
педуниверситета
г. Новосибирск

Ц/ф

НГПУ
проверено
1995 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА · 1939

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 3
Введение 5
Детство 11
Лицей 21
Пушкин после лицея 34
Ссылка Пушкина в южную Россию (Екатеринослав, Кишинев, Одесса) 40
Пушкин в селе Михайловском 51
Возвращение Пушкина из ссылки 65
Поездка Пушкина на Кавказ 73
Пушкин в Болдине 77
Женитьба Пушкина 82
Последние годы Пушкина и его гибель 97
Значение Пушкина 112

Редактор *Д. Благой*. Технический редактор *Л. Шишкова*. Корректоры *Л. Каплан* и *Е. Павлова*. Зак. изд. 170 X-00 С38 Форм. 70×92 1/32 3 5/8 печ. л. Авт. л. 4,4. Уч.-авт. л. 5,2 Тир. 10 000. Уполн. Главлита А—2648. Сдано в набор 28/VI 1937 г. Подп. к печ. 1/II 1939 г. Отпечатано на бумаге Окуловского писчебумажного комбината им. Ярославского 1-я тип. НКПС Трансжелдориздата, Москва Б. Переяславская 46

Цена 1 руб.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Пушкинские дни 1937 года явились для всех народов Советского Союза великой датой. Во всех уголках нашей родины любят и знают Пушкина, читают его произведения, ставят его пьесы, заучивают наизусть его стихи. Наша страна, в которой культура является достоянием широчайших масс, сделала достоянием всего народа и творчество Пушкина.

Предлагаемая вниманию читателя книга—плод работы не специалиста, не профессионала-литератора, а рядового читателя, человека из народа, любящего и знающего Пушкина.

Настоящая биография не претендует на новое слово в области пушкиноведения. Специалисты не найдут в ней новых материалов и научных открытий. Однако, написанная живо и тепло, она является свидетельством исключительного роста нашей культуры, проникновения ее в широчайшие народные массы, является свидетельством любви этих масс к «великому русскому поэту, создателю русского литературного языка и родоначальнику новой русской литературы».

ВВЕДЕНИЕ

Пушкинское время было богато событиями огромного исторического значения. Вначале оно полно общественных иллюзий и всяческих упований. Но вспыхнувший было обманчивый призрак улучшения положения в стране вскоре сменяется горьким и безотрадным сознанием полной несостоятельности этой надежды. Наступила реакция. Разгром декабрьского восстания, казнь вождей заговора и каторга других его участников показали, что достигшее своего наивысшего торжества самодержавие мстит жестоко и беспощадно за попытки свергнуть или хотя бы ограничить его. И вслед за этим, на протяжении долгих безотрадных лет, началось последовательное и все более возраставшее удушение всякой свободной мысли и слова. Над Россией опускался душный полог черной, глухой ночи николаевского царствования.

Его вечными и страшными символами навсегда останутся в памяти потомства скорбные фигуры пяти мучеников в белых саванах, повисшие на общей братской виселице кронверка Петропавловской крепости в памятное утро 19 июля 1826 года. И всюду, во множестве — двойные солдатские шеренги, мерно опускающие палки на спины своих братьев, мертвенно бледных, едва бредущих по живым коридорам медленной смерти.

«Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений,— говорит представитель революционного дворянства А. И. Герцен,— эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему.

Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением. Вдохновение Пушкина не обмануло. Кровь, прилившая к сердцу, пораженному ужасом, не могла остановиться; она скоро устремилась от сердца во вне».

Поэзия Пушкина была наполнена чувством огромного уважения к человеку, в самом лучшем и высоком значении этого слова. Пушкин—человек с редким и отзывчивым сердцем, в котором таилось много тепла и любви. Он шел смело навстречу каждому, кто являлся в его глазах достойным уважения, он страстно ненавидел мелкие, эгоистические душонки себялюбцев, ханжей, гасителей мысли и разума. Кипучий, деятельный, он был в постоянном движении. Мысль его была в постоянном обновлении, непрерывном развитии. Он не мог ни на минуту удовлетвориться уже достигнутым, ища все новых и новых форм для осуществления своих поэтических замыслов. «Его стих,—говорит Герцен,—шумит, как море, как лес, волнуемый бурею, но в то же время он ясен, светел, сверкающ, жаждет наслаждений, душевных волнений». Поэзия Пушкина — поэзия мужественная и сильная. Именно за умение просто, но ярко передавать большие чувства: любовь, ненависть, честолюбие, сильную страсть, порывы к свободе, его так любил Ленин.

Пушкина всегда отличали естественность и простота. Возвышаясь над современниками, он в то же время не отгораживался от них, не окружал себя ореолом недоступности. Наоборот, он с увлечением погружался в общий водоворот жизни. В своем понимании личности он бесконечно ближе к величайшему представителю английского Возрождения Шекспиру, чем к мрачному романтику Байрону, первоначально сильное влияние которого смог преодолеть до конца. Пушкин, как Шекспир, сознавал, что личности в мире отведены ограниченные пределы и что она не может заполнить собой вселенной. Горделивый безысходный пессимизм и индивидуализм Байрона были чужды великому русскому поэту. Пушкину свойственна удивительная способность глубоко проникать в человеческую душу, понимать ее и показывать жизнь разнообразных общественных слоев и людских характеров. Пушкин передает жизнь во всей ее безыскусственной простоте и правде.

Но дело заключалось не только в «пирах». В этом кружке заметно выделялся своим умом и смелостью суждений молодой вольнолюбивый образованный офицер Чаадаев. Беседы с ним производили сильное впечатление на юношу Пушкина. Чаадаев стал одним из его лучших друзей. В стихотворной подписи к его портрету Пушкин дает ему исключительно высокую оценку:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

(«К портрету Чаадаева».

Общение с Чаадаевым и с другими членами гусарского кружка помогло Пушкину еще глубже понять ту пропасть, которая существовала между общественными установлениями запада и рабским строем бесправной родины.

С приездом в Царское Село Карамзина и его семьи Пушкин очень часто стал бывать в их доме.

Девятого июня 1817 года состоялся первый выпуск лицея.

Продолжительная жизнь тесного дружеского коллектива, всего из двадцати девяти человек, невольно сблизила лицеистов. Понятны та грусть и тревожное чувство, которые испытывали они, покидая стены лицея и расставаясь друг с другом. Чувство это отражено с дивной силой в ряде стихотворений великого поэта. Среди них особенной теплотой проникнуты строки, посвященные другу Пущину:

Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...

(«В альбом И. И. Пущину».)

По окончании лицея Пушкин намеревался поступить на военную службу. Однако отец испугался больших расходов, связанных с поступлением сына в гвардейский полк, и юноша должен был остановиться на службе штатской.

Тогдашнее его настроение отразилось в послании к товарищам, где, предугадывая дальнейшую судьбу ряда лицеистов, он говорит о себе:

Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны Наказ и кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак.

(«Товарищам».)

Пятнадцатого июня 1817 года Пушкин был определен в коллегию иностранных дел, с окладом семьсот рублей в год. Вскоре он получил отпуск и вместе с семьей выехал в село Михайловское.

ПУШКИН ПОСЛЕ ЛИЦЕЯ

Вот мой Онегин на свободе.

(А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», глава I.)

1

Кипучая, мятежная, блещущая огнем и страстью натура молодого поэта в этот краткий, но очень значительный период его жизни развернулась с необыкновенной силой.

Какая-то ненасытная жажда жизни, наслаждений, любви охватывает юношу. Но в любви поэта, по словам близко знавшего его П. А. Вяземского, чувственность вовсе не преобладала, скорее это было поэтическое увлечение молодой, яркой натуры. В воспоминаниях современников об этом периоде жизни молодого Пушкина рисуется он часто шаловливым, все еще детски проказливым, порывистым, пылким. И действительно, пылкая натура недавнего лицейского затворника в эти годы проявилась во всей своей непосредственности.

Вырвавшись на свободу, юноша мечтал о жизни полной и широкой. Но действительность на каждом шагу доказывала Пушкину, что это неосуществимо. Отец был скуп, да и доход с его имений был действительно невелик. Приятель поэта С. А. Соболевский, видел, «как Александру Сергеевичу приходилось упрашивать, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои, времен павловских». Позже, в селе Михайловском, Пушкин с горечью вспоминал в письме к брату, как, бывало, «больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы», он «брал извозчика от Аничкина моста» и как отец «вечно бранился за 80 копеек».

Скупость и равнодушие отца раздражали юношу, казались ему отвратительными. Он иногда зло издевался над его скупостью. Рассказывают, что «однажды ему случилось кататься на лодке в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что виднелось самое дно. Пушкин вынул несколько золотых монет и одну за другою стал бросать в воду, любуясь падением и отражением их в чистой влаге».

Пушкин возвращается из Михайловского через полтора месяца. Он поселяется вместе с родителями на Фонтанке, занимая небольшую комнату. С этого момента он с головой погружается в шумную светскую жизнь. Он посещает знаменитые тогда балы Лаваля, со всем пылом своей молодой романтической натуры влюбляется в женщин и во многом напоминает будущего своего литературного героя, Евгения Онегина. Повышенная, слишком нервная жизнь, которую ведет Пушкин, отдавая ей дни и ночи, скоро ослабляет его организм, и он заболевает гнилой горячкой. Шесть недель находится он между жизнью и смертью и благодаря своей крепкой организации превозмогает болезнь, которая, как пишет он, «оставила... впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто, их разговоры сокращали скучные вечера. Это было в феврале 1818 года. Первые 8 томов Русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в своей постели с жадностью и вниманием».

Но светскими развлечениями не исчерпывается жизнь поэта в эту пору. В это время пишет он «Руслана и Людмилу». Поэма эта, имевшая огромный успех у русской читающей публики, начата была еще в лицее.

Редкое упорство и огромное трудолюбие Пушкина, проявленные им в литературной работе, отмечались всеми, кто знал великого поэта и писал о нем. «При всей наружной легкости этих произведений, — замечает один из современников, — он мучился над ними ночами и сутками, и в каждом почти стихе было бесчисленное множество помарок».

Уже в это время Пушкин стоял на высоком уровне литературного развития и культуры. П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 25 апре-

ля 1818 года пишет: «Стихи чертенка племянника чудесно хороши. В дыму столетий — это выражение — город. Я все отдал бы за него движимое и недвижимое».

Пушкин уже становился, по выражению А. В. Луначарского, «вождем целой плеяды людей, просыпающихся для просвещения». Большая культура пушкинской поэзии имела своих предшественников, начиная от Державина и кончая Жуковским и Батюшковым. Последний и сам писал стихи удивительно благозвучные и красивые, но столь совершенных и гармоничных, как пушкинские, в России не писал никто.

2

В 1818 году возникло тайное общество «Союз благоденствия», просуществовавшее до 1821 года. Оно вело очень широкую политическую пропаганду. Негласным отделением этого общества являлся кружок «Зеленая лампа», участником которого был и Пушкин. Члены кружка не были посвящены в тайны декабристов, там преобладали литературные интересы. Но наряду с этим велась и пропаганда либеральных идей и критика самодержавия, читались книги по политической экономии и политические трактаты.

К этому времени жизни великого поэта относятся наиболее яркие его политические стихи: «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву», «Noël», эпиграммы на архимандрита Фотия, на Аракчеева. Ненапечатанные вольные стихи молодого поэта ходили в многочисленных списках по рукам. «В это время, — говорит декабрист Якушин, — не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который не знал их наизусть».

С полным правом можно сказать, что стихи Пушкина сыграли значительнейшую агитационную роль в распространении свободолюбивых идей в среде дворянской молодежи, тем самым способствуя делу декабристов.

В феврале 1820 года перед парижским театром был убит рабочим-седельщиком Лувелем наследник престола, герцог Беррийский.

Вскоре после этого события Пушкин появляется в петербургском театре. Он идет по рядам партера. В руках он держит портрет Лувеля с многозначительной надписью: «Урок царям» и показывает его всем. В этом смелом, демонстративном выступлении немало отваги и благородства, присущих натуре великого поэта. Вскоре Пушкина вызвали к генерал-губернатору столицы, графу Милорадовичу. По рассказу Пущина, граф Милорадович, увидя явившегося Пушкина, велел полицеймейстеру немедленно опечатать все бумаги в квартире поэта. Тогда последний произнес спокойно и с живостью: «Граф, ты напрасно это делаете. Там не найдете, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». Милорадович был изумлен и произнес: «Это по-рыцарски». Пушкин быстро набросал по памяти свои «возмутительные» стихи. Его отпустили «и велели ждать дальнейшего приказания».

Мы не можем не привести здесь знаменательного разговора, происшедшего вскоре после этого случая между Александром I и директором лицея Энгельгардтом, приводимого Пущиным в своих записках о Пушкине.

«Энгельгард, — сказал ему государь, — Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Рос-

сию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем; но это не исправляет дела». Директор на это ответил: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже — краса современной нашей литературы, а впереди еще бо́льшие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушие ваше, государь, лучше вразумит его».

Заступничество нескольких лиц, в том числе Карамзина, спасло молодого поэта от Сибири, и его решено было выслать на юг России.

Пушкин, не успев проститься с друзьями, собрался наскоро в дорогу. Его провожали до Царского Села Дельвиг и Яковлев.

Всего лишь одни сутки разделили Пушкина и Пущина от встречи во время пути. Пущин ехал в мае 1820 года в столицу из Аккермана, в то время как великий поэт, сутками раньше, промчался по пыльному белорусскому тракту в красной рубашке и широкополой шляпе. Это было 6 мая 1820 года. Он ехал в Екатеринослав, в распоряжение главного попечителя и председателя комитета об иностранных поселенцах Южного края, генерала Инзова Ему поэт вез письмо, составленное благожелательно относившимся к Пушкину графом Каподистрия. В этом письме выражалась надежда, что под благодетельным влиянием Инзова из Пушкина выйдет прекрасный чиновник «или по крайней мере перворазрядный писатель».

ССЫЛКА ПУШКИНА В ЮЖНУЮ РОССИЮ

(Екатеринослав, Кишинев, Одесса)

В печальной участи изгнанья
Вмещая мир в себе одном,
Златое семя дарованья,
Как пышный цвет, созрело в нем.

О. С. Павлищева-Пушкина, «Пушкин».)

1

Надежды сделать из Пушкина прекрасного чиновника никогда не сбылись, но славу перворазрядного писателя он завоевал очень скоро.

С презрением к судьбе и гордым терпением начал молодой поэт новую жизнь в глухой Новороссии.

В лице Инзова, которому он был поручен, юноша нашел человека большой доброты, сердечного и участливого. Отличаясь образованностью и начитанностью, он сумел оценить дарование Пушкина, понять его благородную натуру и, по словам современника, «вместо того чтобы быть строгим надзирателем за его поведением, сделался снисходительным и попечительным заступником».

Инзов был прост в обращении, не любил цветистых речей; прямодушный, приветливый, честный, он пользовался большим уважением и среди равных и среди подчиненных. Пушкин на всю жизнь сохранил об этом человеке лучшие воспоминания. С чисто отеческой заботливостью и участием не один раз Инзов выручал молодого пылкого юношу из трудных положений, когда ему, по молодости, случалось погорячиться и набедокурить.

Очень скоро по приезде в Екатеринослав Пушкин, выкупавшись в Днепре, заболевает лихорадкой. Семейство генерала Раевского, ехавшее в это время из столицы на Кавказ, остановилось в городе.

С Раевскими Пушкина соединяли очень искренние и хорошие отношения. С младшим сыном генерала Раевского, Николаем Раевским, поэта связывала тесная дружба еще в лицейский период. Николай Раевский служил в гусарском полку, стоявшем в то время в Царском Селе, часто встречался с Пушкиным и горячо его любил. Новейшие исследователи утверждают, что вопрос о поездке Раевских с Пушкиным на Кавказ был решен между ними и поэтом еще в Петербурге.

Пушкин был найден в бедном домишке на окраине. Он лежал на досчатой скамье в бреду, без всякой помощи. На столе стояла кружка с холодным лимонадом. Раевские окружили молодого поэта заботой и вниманием. Он тотчас же был уложен в коляску, и Инзов, отпуская поэта, тепло с ним простился. Это происходило во второй половине мая 1820 года.

В Пятигорске ожидал семью старший сын Раевского, Александр Николаевич. Здесь всем обществом ездили они на гору Бештау пить железные воды. Вели они почти кочевую, очень оригинальную жизнь, живя в калмыцких кибитках. Пушкин скоро поправился. Полный восторженных чувств, с непосредственностью молодой увлекающейся натуры, он воспринимал окружавшую его природу. Здесь все было для него ново. Девственная красота и величие Северного Кавказа глубоко врезались в его восприимчивую память.

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край, [пустынный], обгорелый,
Жилище [дикое] черкесских табунов.
[Я видел мрачных гор] вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины.
[Ужасный край чудес!]—там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных.
Благословенные струи!

«Я видел Азии бесплодные пределы».

В августе 1820 года Раевские вместе с поэтом поехали в Крым. В распоряжение генерала Раевского был предоставлен военный корабль. Во время ночного перехода из Феодосии в Гурзуф поэт создал одну из прекраснейших своих элегий, начинавшуюся словами: «Погасло дневное светило». Это был яркий миг в его жизни. Юное существо, полное любви к прекрасному, жадно ловило в шуме волн, плескавшихся о борты корабля, ритм и звуки для бессмертных стихов. «Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лаврами и кипарисами, везде мелькали татарские селения» (из письма к Дельвигу).

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...

(«Погасло дневное светило».)

Перед утром он заснул и, проснувшись, увидел восхитительное зрелище. «Разноцветные горы сияли, плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прикрепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг, кругом это синее, чистое небо и свежее море и блеск и воздух полуденный» (из письма к Дельвигу).

«Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, — писал поэт Дельвигу, — жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался», продолжалась в Крыму три недели.

Поездка на Кавказ и в Крым обогатила Пушкина впечатлениями, сильно повлиявшими на его поэтическое воображение, и дала богатый мате-

риал для создания «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана».

К этому времени относится знакомство Пушкина с творчеством английского поэта-романтика Байрона. Могучая поэзия Байрона произвела огромное впечатление на Пушкина. Однако, и в период южной ссылки, находясь под сильным воздействием Байрона, Пушкин не делается его подражателем, сохраняя глубокую самостоятельность.

Содержание байроновской поэзии проникнуто глубочайшим пессимизмом. Английский поэт не верит в силы цивилизации, в будущие светлые судьбы человечества. «Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, — замечает Герцен, — но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился».

Пушкин сравнительно скоро увидел в Байроне отсутствие многосторонности, отмечая, что он постиг всего-навсего лишь один характер — свой собственный. Создавая своих героев, Байрон наделял их каким-либо одним из своих качеств: гордостью, ненавистью, меланхолией. Чрезмерный индивидуализм английского поэта закрывал доступ к чувствам, переживаниям и мыслям других людей. Это качество было совершенно чуждо многосторонней натуре Пушкина. Он очень скоро преодолел влияние Байрона и вступил на самостоятельный путь творчества. Поэма «Цыганы», начатая и оконченная в 1823 году, и бессмертный роман «Евгений Онегин» это подтверждают.

Пятнадцатого июня 1820 года Инзов был назначен полномочным наместником Бессарабии, и Пушкин, возвратившись из поездки, столь для него благотворной, приехал в город Кишинев, новую резиденцию Инзова.

Поэма «Руслан и Людмила» была окончена Пушкиным незадолго до ссылки. Печаталась она уже без него. Эпилог к поэме писался на Кавказе и был закончен в конце июля 1820 года в Кишиневе.

Поэма произвела на тогдашнюю читающую публику огромное впечатление. Русский литературный язык освобождался навсегда от риторики и шаблонных архаизмов. Он делался свободным и искренним для выражения разнообразнейших мыслей и чувств.

Вокруг поэмы начался ожесточенный спор. Завязалась словесная борьба между классиками и романтиками. Представитель первых, Каченовский, резко напал на поэму. Он не мог простить Пушкину выражений: «всех удавлю вас бородою», «стал пред носом», «щекотит ноздри», и др. В статье, помещенной в «Вестнике Европы» за 1820 год, он писал: «Позвольте спросить: если бы в московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться?» Если Каченовский в своем неприятии новшеств пушкинской поэмы сравнивал великого преобразователя русского языка с «таким проказником», то известный поэт и баснописец Дмитриев впал в другую крайность. Он не увидел в поэме ни чувства, ни мыслей, но лишь одну чувственность. Но, как замечает спокойно сам Пушкин, «кроме одной статьи в «Вестнике Европы»... кажется, не было об ней сказано худого слова». Действительно, поэмой зачитывались. В ней блестяще проявился крепнущий гений молодого поэта. Представитель роман-

тиков Жуковский, в восхищении от «Руслана и Людмилы», подарил ему свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Русский поэтический язык приобретает с этого времени все большую выразительность, певучесть и гибкость. Великий русский критик Белинский впоследствии отмечал, что современные Пушкину поэты запели скоро столь совершенными и легкими стихами, что даже стихи Батюшкова уже не казались образцом изящества.

В марте 1821 года в письме к Дельвигу Пушкин сообщает об окончании «Кавказского пленника». Перечисляя недостатки этой поэмы: «простоту плана», граничащую с «бедностью изображения», «характер главного лица», приличествующий «более роману, нежели поэме», отсутствие сведений о прошлом героя, что затрудняет его понимание, и другие, поэт заканчивает критику самого себя такими словами: «но признаюсь, люблю его, сам не зная за что; в нем есть стихи моего сердца».

В кишиневский период написаны «Братья разбойники» (в конце 1821 года) и «Бахчисарайский фонтан» (1822 год), оконченный в Одессе.

В Кишиневе же была написана сатирическая поэма «Гавриилиада», зло высмеивающая церковную легенду о непорочном зачатии. Пушкин ведет записки о греческом восстании, начинает писать дневник. Но записки эти и дневник были уничтожены из-за опасения выдать имена некоторых декабристов.

К наиболее ярким стихотворениям этого периода относятся: «Редеет облаков летучая гряда», «Кто видел край, где роскошью природы», «Кинжал», «Умолкну скоро я», «Песнь о вещем Олеге» и другие.

Особо отметим стихотворение «Узник», начинающееся словами: «Сижу за решеткой в темнице сырой». В нем, с поражающей нас гармонией,

слился трепет сердца великого поэта с трепетом сердца его народа. Не случайно стало это стихотворение безымянной народной песней. Песня, отражая глубочайшую тоску поэта в дни изгнания, отражает и тоску народа, угнетенного рабством.

Пушкин, как и декабристы, остро чувствовал весь ужас и бессмысленность господствовавшего строя, останавливавшего развитие России. Сравнивая русскую жизнь с Западом, он видел и тяжело ощущал глубокую пропасть, отделявшую Россию от Европы.

Впоследствии, следя за мыслями и настроениями поэта в селе Михайловском, мы увидим, как трудно вообще переносил он изгнание. Жизнь в Кишиневе была слишком серой, слишком обывательской для такой натуры, как Пушкин. Лишь благодаря Инзову побывал он в Киеве, в Каменке, где встречался с рядом видных декабристов, и один раз — в Одессе, куда все время рвался.

Одесса постоянно привлекала внимание поэта. Даже и тогда этот шумный портовый город был все же культурным центром, своего рода «окном в Европу», где дышалось легче и где можно было найти интересных людей, бывать в театре и вообще пользоваться благами просвещения и искусства. Здесь же, в «проклятом городе Кишиневе» поэт живет в постоянном нервном напряжении. Он чувствует себя, как на биваке, не может примириться с мыслью о длительной ссылке. Он жаждет увидеться со своими петербургскими друзьями, из которых многие, иногда, подолгу ему не писали.

Известно, что Пушкин был однажды послан Инзовым в Измаил и как-то, блуждая по Буджацкой степи, примкнул к цыганскому табору, кочуя с ним некоторое время. Он вместе с цыганами ночевал на голой земле у их костров.

Невольная эта встреча с цыганами, повидимому, дала повод поэту к написанию поэмы «Цыганы».

В бытность в Кишиневе поэт сближается с некоторыми из декабристов, знакомится с главой Южного тайного общества, полковником Пестелем. О нем Пушкин говорит в дневнике (осталась небольшая часть его): «Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю». Пушкина горячо волнуют и международные политические события. Он с большим интересом следит за развитием греческого восстания против деспотической Турции, за революционными событиями в Италии, Испании и других странах Европы. Под влиянием этих революционных событий за рубежом и подъема революционного брожения в России заметно повышаются и революционные настроения поэта в первый момент его южной ссылки. В стихотворении «Кинжал» он призывает к борьбе с самодержавием, в стихотворном послании к Давыдову — владельцу Каменки, где происходили сборы декабристов, — он выражает уверенность в приходе революции.

Но революционные брожение на Западе были подавлены объединенными силами реакции. И это, вместе с расправой российского самодержавия с рядом южных декабристов весною 1822 года, родит в поэте горькие мысли, что реакция еще слишком сильна, а массы еще не доросли до революции. Эти пессимистические и горькие мысли поэта с наибольшей силой выразились в известном стихотворении «Свободы сеятель пустынный».

3

Благодаря хлопотам друзей Пушкину удается наконец летом 1823 года переехать в Одессу: вновь назначенный наместником Бессарабии граф Воронцов берет его к себе на службу. «Надобно,

подобно мне, провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и невольному европейскому воздуху», — пишет Пушкин к одному из старших петербургских друзей.

Из писем Пушкина и его друзей видно, что, находясь в ссылке, он постоянно и остро нуждался. Говоря о пребывании Пушкина в Кишиневе, П. А. Вяземский писал: «Денег у него ни гроша. Кто в Петербурге заботится о печатании его «Людмилы»? Вся ли она распродана, и нельзя ли подумать о втором издании? Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты».

К концу одесского периода, с упрочением литературной известности, Пушкин жил почти исключительно на доходы от своих произведений, но постоянно чувствовал над собой гнет цензуры. «Зарезала меня цензура! — говорит он в письме к Вяземскому в связи с выходом в свет «Кавказского пленника», — я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать: «Ей дней» в конце стиха. Ночей, ночей, — ради Христа... и чем же ночь не благоприятнее дня? Которые из двадцати четырех часов именно противны духу нашей цензуры?» Он пишет Вяземскому, посылая ему для печати поэму «Бахчисарайский фонтан»: «Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня... Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то печатай».

Пушкин не доверяет почте. «Сходнее нам в Азии писать по оказии», — пишет он тому же Вяземскому.

Он все более и более осознает себя как профессионального писателя.

Все более убеждается он, что только путем продажи произведений он может упрочить свое материальное положение и обрести независимость. Незадолго до высылки из Одессы Пушкин

писал одному из своих начальников: «Я уже преодолел в себе отвращение писать и продавать стихи из-за средств к жизни. Главный шаг сделан, и если все еще пишу я не иначе, как под прихотливым влиянием вдохновения, то как скоро стихи написаны, я уже смотрю на них, как на товар».

Но путь к упрочению своей «независимости» и «безбедности» был тернистым для Пушкина. Беспощадно «резала» его цензура. Порой под влиянием этого на него находили мрачные мысли и даже отчаяние. «Изъясни моему отцу, — писал поэт брату вскоре по приезде в Одессу, — что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре». Но это был глас вопиющего в пустыне. Отец проявлял полное равнодушие к судьбе сына. Нужда, самая горькая нужда, слышится в письмах Пушкина. Гордость не позволяла ему стать нахлебником Воронцова. Принимая от правительства «эти 700 рублей, не так как жалованье чиновника, но как паек ссылочного невольника», поэт был вполне предоставлен самому себе. То и дело слышатся его почти отчаянные просьбы к друзьям и брату об устройстве и продаже своих произведений.

Но литературная известность поэта росла. «Начинаю почитать наших книгопродавцев, — пишет он П. А. Вяземскому в марте 1824 года, — ремесло наше, право, не хуже другого». Для Пушкина все яснее и яснее становится его место в жизни. «Ради бога, не думайте, — пишет он правителю канцелярии графа Воронцова, Казначееву, человеку, его ценившему, — чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача... Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и

домашнюю независимость». Пушкин с полнейшим уже отвращением думает о своей чиновничьей «службе», семь лет которой прошли для него без всякой пользы. За всю «службу» Пушкин не написал, по его словам, «ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником». К тому же он очень скоро успел убедиться, что мелкий, эгоистический по натуре Воронцов видел в нем только «коллежского секретаря», в то время как сам поэт «осмеливался» думать «о себе что-то другое». Начались неизбежные столкновения между чопорным вельможей и пылким поэтом, так мало подходившим для размеренной и чинной жизни при Воронцове. Вскоре Пушкин пишет эпиграмму на Воронцова, давая ему нелестные названия не только «полумилорда» и «полукупца», но и «полуподлеца», подающего надежду стать «полным» подлецом.

Воронцов был раздражен, почти взбешен и написал несколько писем в Петербург с просьбой об удалении от него поэта. Но правительство медлило с решением о высылке Пушкина. Воронцов решился тогда еще на один шаг. Он послал Пушкина с поручением собрать в Херсонском и других уездах сведения о мерах, принятых местными властями для уничтожения появившейся там саранчи. Поэту предписывалось и лично осмотреть места, пораженные саранчой. Несомненно, лживый, лицемерный Воронцов хотел этим унизить Пушкина. Поэт был глубоко оскорблен и скоро вернулся из командировки, не выполнив поручения. Вскоре Пушкин подал в отставку. Перехваченное московской полицией письмо поэта, где он развивает мысль о безверии, называя атеизм системой хотя и неутешительной, но «более всего правдоподобной» ускорило ход событий. 8 июля 1824 года состоялось царское повеление

об исключении его вовсе со службы и высылке в деревню своего отца, в село Михайловское Псковской губернии.

В письме министра иностранных дел графа Нессельроде к маркизу генералу Паулуччи (в руках которого было сосредоточено главное управление Прибалтийским краем и Псковской губернией) говорилось, между прочим: «Его величество повелел сослать его туда, вверяя его вашим, господин маркиз, неусыпным заботам и надзору местных властей».

30 июля 1824 года Пушкин выехал из Одессы и 9 августа был уже в селе Михайловском-Зуеве. В этой новой, еще более тягостной ссылке поэт провел больше двух лет.

ПУШКИН В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил.

(А. С. Пушкин. «19 октября».)

1

Отец Пушкина, как мы знаем, был человеком без твердых принципов в жизни, легкомысленным и слабым по характеру. Он принял поручение властей следить за сыном. Крайняя бестактность Сергея Львовича и его мелочная придирчивость скоро привели поэта в бешенство. Произошло крупное столкновение между ними. Пушкин высказал отцу все, что накипело на сердце за три месяца.

Сначала поэт сильно опасался неприятных последствий ссоры. Взбалмошный отец кричал во всеуслышание, что сын его бил. Глупый, трагикомический фарс, разыгранный отцом, заключился тем, что Сергей Львович заявил, что сын... убил его словами. Объявление могло повлечь для Пушкина в его положении ссыльного, политически неблагонадежного человека, большие неприятности. Пушкин опасался самых скверных последствий. В душевном смятении он обратился за помощью к Жуковскому. Последний был встревожен и обещал сделать все возможное. Но огонь, так сильно разгоревшийся вначале, потухал. Однако долго еще, как видно из писем Пушкина, он полон тревоги и опасений, что все только что происшедшее может дойти в искаженном виде до властей.

Жуковский любил Пушкина — это не подлежит сомнению. Он был одним из горячих и искренних почитателей его таланта. Когда поэту угрожали какие-либо неприятности, Жуковский деятельно хлопотал за него перед властями, так как был очень близок ко двору в качестве воспитателя наследника престола. Но тот же Жуковский, указывая Пушкину на «лучший берег», то есть стан реакции, неизменно стремился внушить ему мысль о необходимости изменить свое отношение к самодержавию и не вступать с ним в постоянную борьбу. Он говорил Пушкину: «Дорога, которая перед тобой открыта, ведет тебя прямо к великому... Ты рожден быть великим поэтом: будь же этого достоин». Он указывал, что «достоинство» это может быть приобретено лишь ценою отказа от всех своих передовых убеждений и полного перехода на сторону самодержавия. «Недостойностью» называл он вольнолюбие Пушкина. «Я ненавижу все, что ты написал возмути-

тельного для порядка и нравственности», — писал Жуковский великому поэту. В тоне наставлений из катехизиса он говорит: «Талант — ничто, главное — величие нравственное». «Обстоятельства жизни счастливой или несчастливой — шелуха»,— замечал он Пушкину, хотя сам дорожил этой «шелухой» и знал ей цену.

Вскоре после неприятного разговора с сыном Сергей Львович уехал из села Михайловского. Водворилась тишина. В конце октября 1824 года Пушкин пишет брату: «Знаешь ли мои занятия: до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».

Пушкин в это время охвачен интересом к народной поэзии. Слушая сказки няни, поэт с особенной силой чувствовал необыкновенную мощь и свежесть русского языка.

Домик, в котором жил Пушкин, был довольно ветхий. Обстановка трех его комнат—более чем скромная. Александр Сергеевич жил в комнате, имевшей три окна. Здесь был его рабочий кабинет. В нем стояли: простая деревянная кровать, стол, стулья и несколько полок с книгами. Перед домиком находился маленький палисадник. В этом домике и прожил Пушкин с няней Ариной Родионовной «изгнанником два года незаметных».

Интересы литературные всецело поглощают сейчас великого поэта.

Интересы эти удивительно разнообразны. Его занимает жизнь Пугачева; он просит брата достать «сухое известие о Стеньке Разине, единст-

веном поэтическом лице русской истории»; он работает над циклом стихотворений «Подражания Корану», читает прославленного в свое время английского романиста Ричардсона, живо интересуется поэзией Баратынского и хочет получить его «Эдду». «Книг, ради бога, книг», — эта просьба постоянно слышится в его письмах. Поэт стремится быть постояно осведомленным о всех текущих событиях и новостях литературных.

2

Наступал роковой и поворотный 1825 год. Начало его было ознаменовано для великого поэта радостной встречей с лучшим своим другом, декабристом Пущиным. Пущин приехал в село Михайловское 11 января 1825 года. По воспоминаниям Пущина, в тот момент, когда сани его въехали во двор, Пушкин уже стоял на крыльце, босиком, в одной рубашке. Встреча друзей была теплой и трогательной. Пущин увидел и Арину Родионовну и, как говорит сам, «чуть не задушил ее в объятиях». Он описывает комнату Александра Сергеевича. «Везде разбросаны исписанные кусочки перьев... они явились лучшими свидетелями упорного труда в дни изгнания... Пушкин показался мне несколько серьезней, сохраняя, однако, ту же веселость... Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторяя, что ему не верится, что мы вместе».

Друзья говорили о многом. Немало накопилось вопросов друг к другу за пять лет их разлуки. Пущин привез другу подарок. Это была переписанная от руки комедия Грибоедова «Горе от ума», почти незнакомая еще Пушкину.

Грустью, тревогой, тоской веет от строк Пу-

щина, описывающих разлуку: «Колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем на вечную разлуку».

Действительно, это была их последняя встреча. Оба друга тяжело переживали последние минуты краткого свидания. Пущин не в силах был выразить словами нахлынувшие на него чувства. Молча сел он в сани. Кони тронулись. «Прощай, друг», — послышались слова поэта. Сани уже исчезли в ночной темноте.

Тишина, водворившаяся в Михайловском ненадолго, была нарушена в апреле того же года приездом второго лицейского друга, поэта Дельвига. Около этого же времени Пушкин встретился с третьим из лицейских товарищей, А. М. Горчаковым, который проездом из-за границы в Петербург в сентябре 1825 года заехал в имение своего дяди, находившееся подле Михайловского. Однако с Горчаковым, делавшим в это время блестящую карьеру, у Пушкина уже оказалось мало общего. «Мы встретились и расстались довольно холодно... Он ужасно высох», — писал Пушкин Вяземскому.

«Покамест я один-одинешенек; стихи не лезут», — писал Пушкин после отъезда Пущина из Михайловского тому же Вяземскому в феврале 1825 года. «Я кажется писал гебе, что мои «Цыганы» никуда не годятся: не верь — я соврал. Ты будешь ими очень доволен».

19 февраля поэт сообщает ему: «Онегин» напечатан, думаю, уже выпущен в свет». Здесь говорится о первой главе романа. Почти ежегодно, начиная с 1825 года, выходят из печати гла-

вы романа одна за другой. В 1833 году роман вышел полностью. Писался он более восьми лет.

Замечательно, что современники, наблюдая Онегиных «дюжинами», не в силах были объяснить себе их внутреннюю жизнь до тех пор, пока Пушкин не обобщил их в одном образе-типе. В «Евгении Онегине» Пушкин передал с исключительной яркостью главнейшие черты сознания дворянской интеллигенции 20-х годов. В нем дана удивительно точная типическая характеристика дворянского общества того времени. Мы знаем, что наиболее яркими и передовыми представителями эпохи были декабристы. Но наряду с ними находились среди русской интеллигенции люди, которые, столь же болезненно ощущая недостатки политического строя России, в то же время не находили выхода из создавшегося положения. Неудовлетворенность этих людей выливалась нередко в глубокий пессимизм. Проникнутые этим чувством, они пребывали в бездеятельности, но остро сознавали свою бесполезность. Герой романа Онегин — человек социально и идеологически неустроенный. Но это вместе с тем и лучший человек своего времени, мыслящий и остро переживающий свою неустроенность, неспособность служения обществу. В творчестве Пушкина «Евгений Онегин» занимает большое место. Герой романа явился родоначальником целой галлереи «лишних» людей в русской литературе. Высокое и обыденное, смешное и трагическое в романе находится в сложном взаимодействии, в постоянном смешении, переплетается друг с другом, переходя одно в другое, и отражает жизнь во всем ее подлинном течении.

Другим поэтическим произведением этого периода является «Граф Нулин». «Граф Нулин» на-

писан звучными сжатыми стихами. В простоте исполнения этой поэмы чувствуется огромное художественное мастерство. «Граф Нулин», по свидетельству самого Пушкина, был написан им в два утра в первой половине декабря 1825 года. Эта очень грациозная шуточная поэма явилась пародией на поэму великого английского драматурга Шекспира «Лукреция».

В числе великих произведений Пушкина, написанных им в этот период, необходимо особо отметить историческую трагедию «Борис Годунов». Пушкин считал ее по праву одним из лучших своих созданий. Написанная в результате глубокого критического изучения Шекспира, которому Пушкин следовал «в вольном развитии характеров» и умении широко изображать события, трагедия эта явилась в то же время совершенно самостоятельным и самобытным произведением русского гения. Окончание «Бориса Годунова» вызвало в поэте бурный восторг. До нас дошло то невольное восклицание радости, которое вырвалось из его уст после окончания «Бориса»: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

3

Читая письма Пушкина, мы ощущаем медленный ход дней изгнания, вживаемся невольно в его мысли, настроения, печали и радости. Немало труда вместили эти дни. В тиши их рос и совершенствовался гений поэта. Здесь, в селе Михайловском, Пушкин почувствовал себя вполне зрелым и сложившимся поэтом. Порой его посещают грустные мысли о своей «бедной юности», о невозможности более плодотворно использовать свои силы для дела родной литературы. Тогда он с горечью восклицает: «Грех гонителям моим». В простых за-

душевных словах выражает он свою грусть в стихотворении «Зимний вечер». Невольно воображение переносит нас в скромное жилище поэта, где в обществе няни проводил он долгие зимние вечера.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Но и в самые трудные минуты грусти, тоски он не поддавался безраздельно тяжелым настроениям. Никогда его ясное сознание не омрачалось ими настолько, чтобы раствориться в них. В этом же стихотворении то и дело пробиваются бодрые и жизнерадостные мысли. Оно проникнуто простым человеческим чувством и потому так волнует нас.

Близились события 14-го декабря.

Незадолго до них Пушкин написал стихотворение «Андрей Шенье». Эта острая социально-политическая элегия, знаменитые стихи которой: «И час придет... И он уж недалек. Падешь, тиран», — вложенные Пушкиным в уста французского поэта, воспринимались как предсказание скорого конца Александра I. Вычеркнутые цензурой стихи из элегии распространялись в рукописных списках. Позднее, когда они были обнаружены полицией, Пушкин был привлечен к следствию по поводу этого стихотворения.

Накануне восстания декабристов у Пушкина зародилась мысль, бросив все, ехать в столицу. Недавно был обнаружен ценный документ, относящийся к этому периоду жизни великого поэта. Это — пропускной билет в Петербург из Тригор-

ского для двух крепостных крестьян соседки Пушкина по имению, П. А. Осиповой. Установлено, что он был написан собственной рукой Пушкина, изменившего свой почерк. Сопоставление этого документа с рассказом Соболевского о намерении поэта под чужим именем явиться в Петербург и привело к выводу, что под видом указанного в подорожной крепостного Алексея Хохлова должен был ехать сам Пушкин. Однако поездка эта не состоялась.

4

По словам декабриста Н. А. Бестужева, поэт-декабрист Рылеев незадолго до восстания говорил: «Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо. Тактика революции заключается в одном слове: «Дерзай», и ежели это будет несчастливо — мы своей неудачей научим других».

Тайных обществ, которые объединяли декабристов в их стремлении свергнуть самодержавный строй, существовало три: Северное, Южное и Соединенных славян.

В первом группировались либералы, сторонники ограниченной монархии, второе состояло из более радикальных элементов, во главе с Пестелем, — члены Южного общества стояли за республику. Наконец, третье, наиболее революционное общество, объединяло разночинцев и безземельных дворян.

Движение декабристов — дворянских революционеров, поскольку оно шло на борьбу с крепостничеством и стремилось к осуществлению новых и необходимых стране форм производственных отношений, было глубоко прогрессивным. Декабристы ставили задачей, овладев вла-

стью, установить народное представительство, равенство всех перед законом, добиться гласности в управлении и суде и сокращения срока военной службы. Декабристы намерены были немедленно упразднить бич того времени — военные поселения, организованные по мысли Александра I генералом Аракчеевым. Этот реакционный жестокий сподвижник Александра I, фактически стоявший во главе всей страны, учредил особый вид воинской повинности. Военными поселениями были целые села, заселенные хлебопашцами, обязанными подчиняться военной дисциплине и проходить военное обучение помимо земледельческих работ. В военных поселениях царила зверская дисциплина. На протяжении ряда лет там происходили кровавые бунты, которые оканчивались нередко истреблением офицеров. Незадолго до своей гибели Пушкин занес в дневник некоторые подробности наиболее кровавого бунта первой половины 30-х годов.

В конце 1825 года в городе Таганроге умер Александр I. Наследовать ему должен был брат его Константин, но несколько лет назад он отрекся от престола в пользу младшего брата Николая. Войска уже присягнули Константину, когда стало известно об его отречении, до того времени не обнародованном. Произошло временное замешательство, которым и воспользовались для своего выступления декабристы. Всего на их стороне оказалось две тысячи человек, отказавшихся присягать Николаю I.

Все последние собрания заговорщиков носили нервный, возбужденный характер. Ничего твердого, в сущности, установлено не было. План, предложенный князем Трубецким, в котором указывалось на необходимость сначала собрать верные полки и по возможности увлечь другие и

только тогда двигаться на Сенатскую площадь всей массой, — не выполнялся. Войска 14 декабря стали собираться прямо на площади, мелкими частями, через большие промежутки времени. Народные массы столицы проявляли огромную симпатию к восставшим. В Зимнем дворце все были объяты ужасом и боялись народной расправы. Но, опасаясь последствий широкого народного волнения, декабристы не использовали энтузиазма масс. Как замечает декабрист А. Г. Розен, в день восстания «не было единства в распоряжениях, отчего сила вместо действующей, стала только страдательной». Идеи декабристов были настолько популярны в среде молодежи, что даже воспитанники морского и первого кадетского корпусов предложили свое участие в восстании. Отсутствие вождей, твердого единого руководства и опоры в массах погубило все дело. Войска декабристов показали в этот день большую выносливость. Многие из них, одетые в одни мундиры, простояли в бездействии несколько часов на жгучем морозе.

Николай собрал верные ему войска и после безуспешных предложений восставшим положить оружие отдал приказ стрелять картечью. Это решило участь восстания. Николай немедленно по окончании стрельбы из пушек сделал распоряжение об уборке трупов. Это было исполнено с такой поспешностью, что многие раненые вместе с убитыми были спущены в проруби. Этих прорубей в Неве, по словам современника, было сделано множество. Полиция начала мародерствовать, обирая карманы убитых.

«Зимний дворец был обведен непрерывной цепью пушек,— пишет современник.— Два дня или три после этого патрули продолжались день и ночь... Каждую ночь, как только засыпал город,

безмолвно шли по Миллионной несколько рот преображенцев и везли пушки».

Целое поколение наиболее передовых людей из революционного дворянства прошло сложный путь развития. Декабристы чутко переживали позор своей родины и страстно желали свержения деспотии. Зная обреченность своего выступления, они смело вышли на площадь. «Эти люди,— говорит Герцен,— хотели всенародно заявить мысль русской свободы, что они погибнут, но что, раз всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет».

Отмечая положительную роль декабристов в развитии русского революционного движения. Ленин говорит: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры разночинцы начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

Сами декабристы, не свершив задуманного, пронесли через всю свою жизнь, помимо огромной ненависти к самодержавию, горячую надежду на свершение своих идеалов в будущем.

«Пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади,— по яркому выражению Герцена,— разбудил целое поколение». Менее чем через сто лет новый, до конца революционный класс преобразил свою великую родину.

5

Пушкин был потрясен разгромом восстания. В мае 1826 года писал он Вяземскому: «Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в

России. Если царь даст мне с л о б о д у, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые котлы, английские журналы или парижские театры, то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»

Отношение Пушкина к родине было сложным, как и у большинства тогдашних передовых людей. Страшная ненависть к деспотам тогдашней России, которую современники и сам поэт сравнивали с Турцией, сочеталась с горячим стыдом за господствовавший в стране позор и с болью за унижение родной страны. «Мы в отношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда... Русский барин кричит: мальчик, забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство».

Еще в начале 1826 года в очень смелом и откровенном письме к Жуковскому Пушкин, говоря о своей «непричастности» к декабрьскому восстанию, несколько неуверенно выражает надежду на возможность своего возвращения из ссылки. Жуковский отвечал: «Всего благоразумнее для тебя остаться спокойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы».

В мае Пушкин пишет на имя Николая I прошение о снятии с него опалы и вручает его псковскому губернатору фон-Адеркасу. Но мысль о страшной участи, ожидающей декабристов, ни на минуту не покидает поэта. Он все еще, повидимому искренно, надеется на «великодушие» царя. Но порой чувствуется по его письмам, что на-

дежда на это колеблется. Казнь Пестеля, Рылеева, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина была ужасной вестью для изгнанника. В словах «повешенные повешены» мы слышим содрогание его сердца.

В своем дневнике за 1834 год Пушкин сделал следующую запись, связанную с казнью пяти декабристов: «13 июля 1826 г. (день казни), в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фрейлина подняла платок в память исторического дня».

«Каторга 120 друзей, братьев, товарищей» тяжелым ударом пошатнула Пушкина, оставив неизгладимый след на его впечатлительной натуре. И кто знает, какие мысли беспорядочным, взбудораженным роем теснились в голове великого поэта, когда заканчивал он письмо к Вяземскому: «Ты находишь мое письмо холодным и сухим (к царю о снятии опалы). Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы».

28 августа 1826 года Николай I вынес решение о вызове Пушкина в Москву, где он сам в это время находился в ожидании коронации. За поэтом был послан фельдъегерь. Пушкину разрешалось, по повелению императора, ехать «в своем экипаже, свободно, под надзором». В ночь с 3-го на 4-е сентября великий русский поэт выехал в сопровождении фельдъегеря из села Михайловского.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУШКИНА ИЗ ССЫЛКИ

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.
А. С. Пушкин, «Арион».)

1

В Москву Пушкин приехал 8 сентября и тотчас же был представлен дежурному генералу при царе, Потапову, который немедленно ввел его в кабинет Николая I во дворце Чудова монастыря

По словам брата Пушкина, Николай I встретил великого поэта такими словами:

«Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания, с условием не писать против правительства».

«Ваше величество, — отвечал поэт, — я давно ничего не пишу противного правительству».

«Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири», — продолжал царь.

«Правда, государь, — сказал Пушкин, — я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства».

Многочисленные рассказы современников об этом свидании поэта с царем рисуют Пушкина прямым и откровенным. Действительно, не в природе великого поэта было держать камень за пазухой.

Один из этих рассказов передает, что царь спросил его, принял ли бы он участие в восстании 14 декабря, если бы в этот день был в Петербурге. И Пушкин ответил, не задумываясь, что место его было бы на площади, среди мятежников.

Разговор был довольно продолжительный. Пушкин жаловался на притеснения и нерассудительность цензуры. Николай I выразил желание быть его цензором. Это были не более как красивые слова и лицемерная игра в великодушие.

Пушкину разрешалась свобода передвижения, за исключением Петербурга, куда въезжать он мог пока лишь по особому каждый раз разрешению, и только в конце 1827 года поэту был дозволен свободный доступ в столицу.

Посредником между поэтом и царем по цензурным и иным вопросам стал шеф особого корпуса жандармов генерал Бенкендорф. Отныне до самой гибели Пушкин постоянно ощущал слежку за каждым своим шагом.

У Пушкина не было никакой измены своим прежним вольнолюбивым идеалам. Но он, трезво всматриваясь в действительность, увидел «ничтожность» «средств» заговорщиков и «необъятную силу правительства». Поэтому он решил «примириться» с Николаем I, в надежде, что ему удастся сохранить свою независимость и толкать царя на путь просвещения и реформ. Эта надежда, внушенная поэту лицемерным, лживым поведением Николая I, была иллюзорной, в чем Пушкин очень скоро убедился.

Весть о приезде великого поэта распространилась по Москве с поразительной быстротой.

Впечатление, произведенное приездом великого русского поэта на московскую публику, было поразительно. Когда впервые Пушкин появился в партере Большого театра, «мгновенно, — говорит современник, — пронесся по всему театру говор, повторявший его имя». Публика даже во время представления больше смотрела на своего любимого поэта, чем на сцену.

Пушкин привез с собой в Москву рукопись «Бориса Годунова». «Бориса» он читал у многих своих знакомых. 12 октября 1826 года он читал «Бориса» в доме поэта Веневитинова. Чтение произвело на слушателей буквально потрясающее впечатление.

В записках современников и брата поэта, Льва Сергеевича, сохранились описания внешности Пушкина этого времени.

Он был невысокого роста, сложен пропорционально, сухощав, строен. По словам брата, «собою дурен, но лицо... было выразительно и одушевлено». Волосы были каштанового цвета и вились. Он носил бакенбарды. Некоторые замечали, что в лице поэта не осталось ничего юношеского. Тяжелые дни, проведенные в постоянном труде, нужде, волнениях во время ссылки, избороздили его лоб многочисленными морщинами.

К этому времени относится встреча Пушкина с польским поэтом Мицкевичем.

В середине ноября 1826 года Пушкин снова возвратился ненадолго в село Михайловское. Он писал оттуда Вяземскому: «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму».

В конце этого же, 1826 года, было отпраздновано возникновение журнала «Московский вестник», под редакцией Погодина. Участием Пушкина в этом журнале очень дорожили, и ему было предложено ежегодное вознаграждение в десять тысяч рублей с проданных полностью тысячи двухсот экземпляров. «Московский вестник» был журналом серьезным, вокруг него группировались солидные литературные силы. Однако редактор его, Погодин, не сумел сделать журнал интересным, придав ему слишком сухой, научно-исторический характер, и Пушкин охладел к «Московскому вестнику».

Очень скоро Бенкендорф дал знать о себе. За чтение Пушкиным в дружеском кругу «Бориса Годунова» без разрешения со стороны властей ему делается очень грубый выговор. «Борис Годунов» был представлен на просмотр Николаю, который предложил Пушкину выбросить из него некоторые места и переделать пьесу в роман. Оскорбленный поэт спрятал пьесу, в надежде когда-нибудь все-таки ее напечатать.

За Пушкиным усиленно следили. К концу же 1826 года относится известная записка тогдашнего литератора и осведомителя Третьего отделения С. И. Висковатого. В этой записке, весьма примечательной, указывающей на вызывающее поведение поэта в селе Михайловском, говорится между прочим: «Мысли и дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, навсегда останется, и последствия его непременно поздно или рано произведут желаемое действие».

Незадолго до возвращения поэта из ссылки в отношении его был произведен некиим Бошняком негласный розыск по предписанию Третьего отделения. Последнее подозревало поэта в «сочинении и пении возмутительных песен и в возбуждении крестьян к вольности». Розыск не дал никаких результатов. Характерно, что опрошенные Бошняком окрестные помещики-реакционеры не пожалели темных красок для обрисовки личности поэта, в то время как крестьяне выставляют его в самом привлекательном виде. В селе Михайловском Пушкин любил ходить в красной рубашке и широкополой соломенной шляпе. Он приветливо обходился с крестьянами и здоровался с ними за руку. Среди окрестных помещиков-реакционеров все это возбуждало кривые толки, что и дошло до властей предержащих.

Ужас и смятение овладели Россией, и особенно столичным обществом, после воцарения Николая I.

«Пушкин возвратился, — пишет Герцен, — и не узнал ни московского, ни петербургского общества». Везде говорили об арестах, ссылках, обысках. Николаевский бездушный режим видел для себя опасность в каждом слове, жесте, невольном движении. Это повергало людей в моральное оцепенение. Высшее же общество, по словам Герцена, «с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех гуманных чувств».

В начале января 1827 года Пушкин, будучи снова в Москве и посетив дом сосланного декабриста Муравьева, вручает его жене, уезжавшей к мужу на каторгу, свои известные стихи «Во глубине сибирских руд» и стихи для Пущина. В этом же месяце Пушкин привлекается по делу о стихах, якобы написанных им на 14-е декабря и клеймящих расправу царя с декабристами.

На самом деле стихи эти оказались не пропущенным цензурой отрывком из уже известного нам стихотворения Пушкина «Андрей Шенье», написанного за несколько месяцев до восстания.

Пушкину без труда удалось доказать это. Тем не менее 28 мая 1828 года за Пушкиным был учрежден секретный надзор.

Впервые после ссылки Пушкин 19 мая 1828 года едет на короткий срок в Петербург. В конце июля он снова уединяется в селе Михайловском. К этому времени относятся воспоминания приятеля Пушкина, Вульфа, о посещении им великого поэта. Он рассказывает, как, взойдя по шаткому крыльцу «в ветхую хижину поэта русского», он увидел Пушкина, сидевшего за рабочим сто-

лом в халате и в молдавской шапочке. Внимание Вульфа привлекли книги, лежавшие на столе. В числе их были сочинения итальянского поэта Альфиери и две книги в черных переплетах. Пушкин рассказал Вульфу, что в одной он пишет стихи, а в другой — две главы из начатого им около этого времени романа в прозе «Арап Петра Великого».

В середине октября Пушкин поехал в Петербург. На одной из почтовых станций он увидел Кюхельбекера в сопровождении двух жандармов. Он позднее всех декабристов попал в руки властей, так как скрылся после разгрома восстания и хотел бежать за границу. Его везли из Шлиссельбургской в Динабургскую крепость. Пушкин бросился к лицейскому другу и обнял его. Жандармы силой их растащили. Судьба «брата Кюхли» была трагична. Он просидел в крепостях десять лет, затем был выслан в Сибирь на поселение, где ослеп и преждевременно умер от туберкулеза.

3

В конце января следующего, 1828 года выходят в свет IV и V главы «Евгения Онегина». В начале апреля Пушкин пишет новую поэму «Полтава», закончив ее в необычайно короткий срок.

В основу поэмы положен один из ярких моментов русской истории — борьба Петра I со шведским королем Карлом XII. На фоне этой борьбы развертывается описание трагической участи верного Петру Кочубея и его дочери Марии.

Описание природы, изображение душевных переживаний и страстей героев и передача событий в «Полтаве» достигают изумительной высоты.

Летом 1828 года возникает дело о «Гавриилиаде». Три дворовых человека отставного офицера Митькова подали жалобу петербургскому митрополиту Серафиму. В жалобе указывалось, что их господин «развращает» их чтением «кощунственной» поэмы «Гавриилиада».

Митьков был арестован. Было учреждено следствие. Пушкину, привлеченному к следствию (по подозрению в авторстве), был предложен вопрос: в каком году он написал «Гавриилиаду». Затем ему предложили доставить ее рукопись. Пушкин отвечал, что поэма написана не им, но что он видел ее список в лицее между 1815—16 гг. Этот список, по его словам, он имел, но утратил.

В августе того же года от поэта затребовали новых сведений, а именно: от кого он получил поэму в лицее. При этом в секретном письме на имя гр. П. А. Толстого сообщалось, что если написавший поэму будет указан Пушкиным, то с последнего снимется всякое подозрение в авторстве. Поэт был поставлен в тяжелое положение, но попытался еще раз отвести от себя подозрение. Он сказал, что поэма ходила между офицерами гусарского полка в Царском селе, а рукопись ее он сжег в 1820 г. Николай просмотрел ответы Пушкина и написал такую резолюцию: «Я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем». Толстой, указывая Пушкину на то, что царь-де к нему расположен, предлагал поэту открыть истину. Измученный душевной пыткой, Пушкин просил позволения писать лично к царю. Это было разрешено. Самое письмо Пушкина к царю не сохранилось. По мнению исследователей, Пушкин сознался в авторстве. Дело было прекращено.

20 октября 1828 года Пушкин уезжает в деревню Малинники, к друзьям, где заканчивает VII главу «Евгения Онегина».

По приезде в Москву, в декабре, на одном из великосветских балов Пушкин увидел молоденькую девушку поразительной красоты — Наталию Николаевну Гончарову, дочь прежде состоятельных, теперь почти разорившихся калужских помещиков.

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз», — так рассказывает о первой встрече с его будущей женой первый биограф Пушкина П. В. Анненков.

Пушкин стал бывать в доме Гончаровых. Однако очень скоро у поэта начинаются нелады с матерью девушки. Эта женщина была очень религиозна и благоговела перед памятью Александра I. Пушкину же не раз случалось высказывать «неблагочестивые» мысли и резко отзываться об Александре. 1 мая 1828 года Пушкин сделал предложение Наталье Николаевне, но получил крайне неопределенный ответ.

Прошедший год принес поэту много тяжелых переживаний. К испытанным ранее душевным волнениям прибавилось нозое. Он был страстно влюблен в Гончарову. В это время шла война между Россией и Турцией. В Пушкине созревает решение бросить все и ехать на Кавказ, в действующую армию. Превозмогая свое отчаяние, Пушкин пишет перед отъездом письмо Гончаровой-матери: «Простите нетерпение сердца больного и пьяного от счастья. Я еду сейчас и увожу в глубине души образ небесного существа, обязанного вам своим существованием».

ПОЕЗДКА ПУШКИНА НА КАВКАЗ

> Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую... и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России.
>
> (А. С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум».)

1

Мысль о поездке на Кавказ возникла у Пушкина гораздо ранее описываемого времени. В половине апреля 1828 года поэт обращался к Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать перед царем о зачислении его в действующую армию. Но Николай не изъявил на это своего соизволения. И вот, презирая власть своих гонителей, полный душевного смятения, Пушкин решается ехать без разрешения. «Самовольство» поэта заставило Третье отделение всполошиться, как стаю черного воронья. Местным властям и главнокомандующему кавказской армией графу Паскевичу в секретных бумагах предписывалось усиленно следить за поэтом.

Пушкин выехал в начале мая 1829 года. 5 мая, сделав лишних двести верст, поэт демонстративно посетил в Орле опального генерала Ермолова — бывшего главнокомандующего кавказской армией. Ермолов, по свидетельству одного из близких к Пушкину лиц, упорно отказывался сообщить о содержании своих разговоров с поэтом.

По пути в Тбилиси Пушкин заехал на Кавказские Воды, где был с Раевскими в 1820 году. В нем воскресли старые воспоминания: «...настала

ночь, — записывает он в своем дневнике. — Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь бывало сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и, наконец, исчез во мраке...» По Военно-Грузинской дороге, через Владикавказ, Пушкин отправился в Тбилиси, куда и прибыл 27 мая. Прожив здесь около двух недель, поэт направляется в Карс, а оттуда — в лагерь главнокомандующего. 14 июня Пушкин уже успел принять участие в схватке с турками при реке Инжесу. Его насильно вывели из передовой цепи в тот момент, когда, охваченный боевым азартом, он поднял пику одного из убитых и ринулся в схватку.

За время своего пребывания в действующей армии поэт вынес немало интересных и новых впечатлений. «Лагерная жизнь очень мне нравилась, — вспоминает он, — пушка поднимала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров».

В оценке происходивших перед его глазами событий Пушкин проявил много здравого смысла, исключительного ума и тонкого юмора. Пушкин вел день за днем записки, на основании которых позднее написал свою книгу «Путешествие в Арзрум».

Поэт не оправдал надежд главнокомандующего, графа Паскевича, и не сделался певцом его «подвигов». Вместо торжественных од о славе россов Пушкин написал такие стихотворения, как «Делибаш», «Из Гафиза», «Олегов щит». Первые два в иронической форме протестуют против войны. Пушкин прекрасно понимал отрицательные стороны царской колонизаторской политики и в «Путешествии в Арзрум» дал ряд ярких и выразительных военно-бытовых зарисовок на эту тему.

На пути из Тбилиси в Арзрум Пушкину довелось быть свидетелем печального зрелища. Пушкин ехал один верхом по дикой и живописной местности. «Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега,— записывает он в своем дневнике.— Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». «Что вы везете?» «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис». Такова была печальная встреча Пушкина с изрубленными останками творца бессмертной комедии «Горе от ума».

27 июня великий поэт посетил только что занятый русскими войсками Арзрум.

Через некоторое время в Арзруме началась чума. «Мне тотчас представились ужасы карантина,— записывает Пушкин,— и я в тот же день решился оставить армию». Однако перед отъездом Пушкин из любопытства, как он сам пишет, посетил чумной лагерь.

В начале августа Пушкин снова приехал в Тбилиси, а 20 сентября был уже в Москве.

Возвратившись в Москву, Пушкин только проехал по Никитской улице, где стоял дом Гончаровых, и сейчас же отправился в село Малинники.

По приезде оттуда Пушкин направился к Гончаровым. Брат Натальи Николаевны так описывает посещение Пушкина: «Было утро; мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую

разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели».

Прием был холоден, и поэт уехал в Петербург со смертью в душе. Там его ожидал бесцеремонный выговор Бенкендорфа за поездку в армию. Пушкин был вынужден оправдываться, говорить, что поездка была вызвана сильным желанием видеть брата, служившего в Нижегородском драгунском полку. Полк стоял в Тбилиси и скоро оттуда выступил в поход. Поневоле,— говорил поэт,— ему пришлось ехать за полком.

По свидетельству современников, Николай спросил Пушкина, как он смел поехать в армию. Пушкин отвечал, что главнокомандующий ему позволил. Царь возразил: «Надобно было проситься у меня. Разве не знаете, что армия моя».

В январе 1830 года Пушкин ходатайствует о разрешении выехать за границу. Он хотел посетить Францию или Италию. Согласен был даже ехать с русской миссией в Китай. Но в поездке за границу ему было решительно отказано. «Ваше желание сопровождать нашу миссию,— писал Бенкендорф,— в Китай также не может быть удовлетворено, так как все служащие уже назначены».

Все с большей тревогой поэт раздумывает о своей дальнейшей судьбе.

Увлечение Гончаровой перерастает в сильное и глубокое чувство. Между тем он далеко не уверен, что любим ею. Ведь она была еще почти ребенком. Он пишет Гончаровой-матери: «Если она согласится отдать мне свою руку,— то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца». В шумном свете, по мнению поэта, Наталье Николаевне могут внушить, что она могла бы выбрать жениха богаче, и мысль об унизительной своей бедности терзает душу

влюбленного. Пушкин считает, что «она в праве требовать богатства и положения... чтобы сделать ей угодное, я готов пожертвовать всеми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполне свободною и прихотливою».

Пушкин снова приезжает в Москву. Сватовство его принимается, но с оскорбительными намеками на его бедность. Старуха Гончарова к тому же «страшилась выдать свою дочь за человека, имевшего несчастье подвергнуться неудовольствию императора». Это новый трагический момент в жизни великого поэта. И вот, чтобы устроить свою личную жизнь, он обращается к ненавистным гонителям с просьбой выяснить его положение по отношению к правительству. Николай I отнесся к браку Пушкина благосклонно. Бенкендорф написал великому поэту реабилитировавшее его письмо.

Измученный, истерзанный душевно, поэт в начале сентября 1830 года выехал в родовое имение Пушкиных, нижегородское село Болдино, для устройства личных дел в связи с женитьбой.

ПУШКИН В БОЛДИНЕ

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.

(А. С. Пушкин, «Осень».)

Во время пребывания в Болдине творчество Пушкина развернулось с небывалой силой. На протяжении трех месяцев им написано здесь огромное количество произведений, исполненных блеска и мудрости.

6 сентября Пушкин приехал в Болдино. «Милый мой,— пишет он Плетневу,— расскажу тебе все,

что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30 лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни».

«Осень подходит. Это любимое мое время, — говорит поэт, — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Чорт меня догадал бредить о счастьи, как будто я для него создан».

Пушкин намеревался пробыть в Болдине недолго. Но вскоре после его приезда вспыхнула сильная холерная эпидемия. Между Болдиным и Москвой было установлено пять карантинов. Попытки Пушкина прорваться сквозь них потерпели неудачу. Почти в полном одиночестве поэт прожил в Болдине около трех месяцев.

Село Болдино на реке Азане находится в северной части бывшего Лукояновского уезда Нижегородской губернии (ныне Горьковский край). Расположилось оно на пригорке с пологим скатом. Дом, в котором жил Пушкин, был небольшой, одноэтажный, с деревянной крышей. Вокруг дома тянулся пустырь. Не было ни цветника, ни сада. Болдино находилось во владении отца и дяди поэта.

Крестьянские избы поражали бедностью и нечистотой. Это были дымные хаты, почти сплошь крытые почернелой соломой. Работая здесь над «Историей села Горюхина», Пушкин постоянно видел их.

Уже спустя три дня после приезда в Болдино Пушкин закончил «Гробовщика». На следующий день был закончен «Станционный смотритель», 18 и 20 сентября окончены VIII и IX главы «Евге-

ния Онегина». Через несколько дней после неудавшейся попытки прорваться в Москву, за время с 5 по 10 октября Пушкин написал «Домик в Коломне»; 12 — 14 октября написан «Выстрел»; 20 октября — «Метель»; 23 октября — «Скупой рыцарь»; 26 октября закончен «Моцарт и Сальери»; 4-го ноября — «Каменный гость». В Болдине же написаны «Барышня-крестьянка», «Пир во время чумы», «История села Горюхина», большое количество лирических стихотворений, критических статей и набросков.

В письме к Плетневу (уже из Москвы) сам Пушкин сообщал: «Я в Болдине писал, как давно уже не писал».

Тематика трех из пяти повестей, объединенных под общим названием «Повести Белкина», а именно: «Выстрела», «Барышни-крестьянки» и «Метели» еще дворянская. В двух других: «Станционный смотритель» и «Гробовщик» Пушкин выходит за ее пределы. В «Станционном смотрителе» дан образ бедного обиженного труженика. Симеон Вырин прямой предшественник Башмачкина из гоголевской «Шинели» и далее «Бедных людей» Достоевского.

Вопрос о создании русской художественной прозы волновал Пушкина издавна. Уже в 1824 году он с горечью писал: «Проза наша еще так мало обработана, что, даже в простой переписке, мы вынуждены создавать обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, механические формы которого давно уже известны».

В поэзии Пушкин все же имел талантливых предшественников, в прозе таких предшественников у него почти не было. Проза русская еще

продолжала быть тяжелой и неуклюжей. Ни в какой мере не удовлетворялся Пушкин «достижениями» в области прозы писателей-современников. «Чья проза лучшая в нашей литературе — Карамзина», — замечал Пушкин и сейчас же добавлял: «Это еще похвала небольшая».

Пушкин упорно работал над созданием русского прозаического языка. Труд этот был поистине титаническим. Но гений великого трудолюбца Пушкина блестяще справился с этой задачей. Замечательный принцип поэта, — необходимость «постоянного труда, без коего нет истинно великого», оправдал себя. Проза Пушкина занимает исключительное место в русской литературе. Столь сжатым, точным языком, образным, полным богатейшего содержания у нас до него не писал никто. В прозе Пушкина не найдешь ни одного лишнего слова; как из песни, ни одного слова из нее не выкинешь. Такие крупнейшие наши писатели, как Гоголь, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Чехов, Лев Толстой и многие другие, учились писать у Пушкина.

«Точность, опрятность — вот первые достоинства прозы, — пишет сам Пушкин. — Она требует мыслей и мыслей; блестящие выражения ни к чему не служат».

«История села Горюхина», написанная в Болдине, занимает в творчестве Пушкина важное и особое место. С большим мастерством рисует он здесь типическую картину убогой, забитой, темной крепостной деревни.

В бесхитростной, нарочито наивной форме Пушкин показывает бесправие, произвол и унижение человеческого достоинства, царящие в крепостной деревне, где бить и драть мужика

вошло у помещиков в тупую привычку. «4 мая Тришка за грубость бит. 6-го — корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8-го погода ясная. 9-го — дождь и снег — Тришка бит по погоде».

Впоследствии форму пушкинской «Истории» использует для своей бичующей, гневной политической сатиры Салтыков-Щедрин.

Скучное, серое Болдино угнетало поэта. Не получая писем от невесты, Пушкин полон тревоги за нее. По слухам, до него доходившим, холера угрожала Москве. Но чисто пушкинская жизнерадостность и мужественная стойкость во всех обстоятельствах жизни и на этот раз не изменили ему. «Знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки, — шутя говорил Пушкин, — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно».

Вторая (в октябре) и третья (в начале ноября) попытки поэта выбраться из Болдина также потерпели неудачу. На всех дорогах к Москве стояли карантины.

Одна могучая творческая работа являлась отрадой. Пушкин был глубоко удовлетворен своими трудами. Здесь, в этом невольном заточении, осуществлялись давние лучшие замыслы великого поэта.

Один из друзей Пушкина — Даль — рассказывает: «Он носился во сне и наяву, целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова; металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово». Действительно, это образное выражение Даля вполне подходит к пламенной, кипучей натуре Пушкина. Великого русского поэта отличала огромная умственная энергия, непрестанное творческое горение. В дни болдинской осени эта способность Пушкина особенно пора-

жает. Почти сказочной кажется столь огромная творческая продуктивность его гения.

Только к концу ноября 1830 года удается Пушкину выбраться из Болдина. 5 декабря, после многих дорожных мытарств, Пушкин наконец попадает в Москву.

ЖЕНИТЬБА ПУШКИНА

Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.

(А. С. Пушкин, «Ответ Анониму».

1.

Незадолго до женитьбы Пушкина, 14 февраля 1831 года умер его лучший лицейский друг, поэт Дельвиг. Смерть его произвела на Пушкина неизгладимое впечатление: «Говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столько же странен, как и страшен...»

С Дельвигом великого поэта связывали не только узы личной дружбы, но и общие литературные интересы. Пушкин был деятельным помощником в редактировании издававшейся Дельвигом «Литературной газеты».

Журнальная деятельность была постоянной мечтой Пушкина. Состояние современных ему журналов было очень плачевно. Большинство их были несодержательны; хорошая критика в них отсутствовала. По словам Пушкина, она представляла собой «или брань, или переслащенную дичь».

«Литературная газета» стала выходить с 1 января 1830 года и сразу же объединила лучшие тогдашние литературные силы. В ней участвовали, помимо Пушкина и Дельвига, Баратынский, Вяземский и ряд других литераторов.

«Литературная газета» вела ожесточенную литературную полемику с «Северной пчелой» Булгарина. В своих статьях Пушкин метко и остроумно высмеивал и бичевал продажность «литератора» и агента Третьего отделения, Булгарина.

18 февраля 1831 года состоялась свадьба Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Венчание происходило в церкви Большого Вознесения (на Малой Никитской). «Итак, совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась», — сказал один современник. Действительно, сватовство Пушкина к Гончаровой продолжалось два с лишним года и доставило ему немало огорчений.

Гончаровы жили в большой нужде. Мать Натальи Николаевны, когда Пушкин был еще женихом, старалась всегда под тем или иным предлогом выпроводить его до завтрака или обеда. Дочери ее выезжали на балы в старых перчатках и башмаках. Обращение матери с дочерьми было самое суровое, и они перед ней трепетали. Все их воспитание заключалось в знании французского языка, светских приличий и умении танцовать. Кроме того им усиленно прививалась религиозность. Во время пребывания Пушкина в Болдине мать Натальи Николаевны, строго следя за ее письмами к жениху, требовала от дочери, чтобы та советовала поэту соблюдать посты, молиться богу и т. д. По словам современницы, это очень раздражало Наталью Николаевну. В описываемое время ей было девятнадцать лет.

Замечательная красота ее, по свидетельству всех без исключения современниц и современников, восхищала всякого, кто ее видел. Высокого роста, стройная, с удивительно тонкой талией, классическими чертами лица, она получала лестные эпитеты богини, Психеи.

Но вместе с тем она не отличалась ни умом, ни развитием. Она никогда не была ни соучастницей дум великого поэта, ни помощницей в его работе. Отношение ее к литературе было самое легкомысленное.

Первые годы брачной жизни Пушкина были, повидимому, счастливы. По крайней мере, так кажется самому Пушкину.

«Я женат — я счастлив, — писал он. — Одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Не хвалюсь и не жалуюсь, ибо женка моя прелесть не по одной наружности».

15 мая 1831 года Пушкин с женой уезжает из Москвы в Петербург из-за неладов с ее семьей. Поэту очень хотелось пожить с молодой женой в уединении, вдали от шума столицы. Пушкин поселяется в Царском Селе, в доме Китаева, на Колпинской улице. Современник рассказывает, что часто жители Царского Села выходили смотреть на Пушкина и его жену, когда они шли на прогулку, направляясь к озеру.

Летом 1831 года эпидемия холеры перекинулась в Петербург, и двор императора Николая I переехал в Царское Село. «Мы, уже обстрелянные в Москве и Нижнем,— пишет Пушкин по поводу холеры, — равнодушно слышали приближающуюся перестрелку».

Пребывание в Царском Селе Пушкина с женой во время приезда сюда двора имело большое влияние на всю последующую их жизнь. Здесь

возникают формы той внешней зависимости, которая, особенно под конец жизни поэта, связала его. Всю тяжесть зависимости от царских «милостей» Пушкин ощутил очень скоро. Заметную роль в укреплении этой зависимости сыграл и Жуковский. Он нередко говорил Пушкину о необходимости благодарности царю за его якобы заботы о нем.

В середине 1831 года Пушкин вновь принят на службу по министерству иностранных дел. Он пишет по этому поводу: «Царь взял меня в службу, но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем чтобы я рылся там и ничего не делал». Пушкину было поручено написать историю Петра I.

Но особенно сильное влияние оказывало пребывание в Царском Селе двора на Наталью Николаевну. Здесь впервые вступила она на тот путь светской жизни, с которого уже не сходила. Красота Натальи Николаевны, по свидетельству многих, затмевала красоту всех петербургских женщин. Вращаясь в свете, она постепенно освобождалась от манер застенчивой московской барышни. В августе 1831 года Пушкина была замечена императрицей и представлена ей.

2

Женитьба вплотную поставила перед Пушкиным вопрос о материальной его необеспеченности. И вопрос этот с годами становился для поэта все тяжелее и тяжелее. Жена его оказалась очень плохой хозяйкой. Светские шумные развлечения заполняли всю ее жизнь. Ее выезды и наряды стоили очень дорого. Пушкиным овладели разнообразные хозяйственные заботы. Кроме того

он устраивал запущенные дела родственников жены, своего отца, помогал брату Льву Сергеевичу.

Деньги, деньги и деньги! Вопрос этот стоял всю жизнь перед великим поэтом с резко ощутимой остротой.

Пушкин вел себя просто и непосредственно и в своем кругу и со всеми. С его страстным темпераментом искренней порывистой натуры не вязалась лощеность светского человека. Но находились люди, которые ставили чуть ли не в вину поэту его стоптанные каблуки, непринужденную простоту поведения, пересыпанную народными словами и выражениями речь.

Образ Пушкина мужа привлекателен той же глубоко человечной непосредственностью. Сколько заботливости к своей жене проявлялось Пушкиным! Сколько раз прощал он ей нечуткое к нему отношение. Он полон опасений за первого их ребенка — дочь Машу, родившуюся 19 мая 1832 года. «Машу не пичкай ни сливками, ни мазью, — пишет Пушкин жене в конце 1832 года, — я твоей Уткиной мало верю. Кстати смотри, не брюхата ли ты, а в таком случае береги себя на первых порах. Верхом не езди, а кокетничай как-нибудь иначе».

В поездках, поэт в постоянной тревоге за жену. Порой Наталья Николаевна, по излишней доверчивости, наивности или просто молодости, делала ложные шаги и совершала промахи. Пушкину не раз приходилось удерживать ее от излишнего кокетства с посторонними и малознакомыми мужчинами на балах, предостерегать от некоторых знакомств, вообще воспитывать в ней такт.

Наталья Николаевна была очень далека от «идеала» Пушкина — его Татьяны.

До нас дошло довольно много писем Пушкина к жене. Все они проникнуты чувством искренней и сильной любви. Безыскусственные и сердечные, они отразили самые тайные, сокровенные мысли поэта. В них с годами сквозь пушкинский жизнерадостный тон, пробивающийся всюду искрометным ключом, все чаще звучат печальные и тоскливые мысли и настроения. «Всевидящая и всеслышащая» полиция вторглась наконец и в это тайное тайных души Пушкина. Письма его к жене перехватывались и прочитывались. Отдельные выдержки из них приносились на просмотр Николаю. Узнав об этом, Пушкин пришел в страшное негодование. «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство», — пишет он жене 3 июня 1834 года. В другом письме он предостерегает жену: «...будь осторожна, вероятно и твои письма распечатывают: этого требует государственная безопасность», — едко заканчивает поэт это письмо. Глубокой тоской проникнуто письмо от 2 июля 1834 года: «Пожалуйста не требуй от меня нежных и любовных писем. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и т. д.— охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен». Последнее письмо Пушкина к жене написано 18 мая 1836 года. Оканчивается оно известным скорбным восклицанием: «Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом».

В этом крике души выражена вся беспросветность тогдашней русской действительности, сознание той роковой безысходности, которую поэт ощутил незадолго до гибели. Эта горькая фраза будет всегда напоминать нам о великой трагедии человека, ставшего для своего класса отщепенцем, почти чужаком, и стремившегося всю жизнь

к цельному, светлому и глубоко гуманному идеалу человеческого общежития. Неизбежность и закономерность этой трагедии была заложена в социальном строе России той поры, непримиримо враждебном всему передовому, свободомыслящему, человечному.

Наша молодежь, полная героизма и отваги, расцветающая богато и многосторонне, должна продумать трагедию Пушкина и лучших людей его эпохи. Тогда сможет она еще полнее понять все значение и глубокий смысл нашей полноценной сталинской эпохи.

К началу 30-х годов относится знакомство Пушкина с писателем и собирателем сказок, В. И. Далем.

В разговорах с Далем Пушкин восторженно отзывался о русских сказках, пословицах и поговорках. В рукописных тетрадях Пушкина есть ряд сказок, записанных им со слов Арины Родионовны. Три из них легли в основу сказок Пушкина, написанных в начале 30-х годов: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о попе и о работнике его Балде». В «Сказке о царе Салтане» Пушкин местами сохраняет даже выражения и сравнения Арины Родионовны, слегка их обработав:

Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.

(«Сказка о царе Салтане».)

Великий поэт среди великолепной столичной жизни отличался способностью, по словам первого его биографа Анненкова, «сохранять неослабно строгую задачу жизни среди обширного знакомства». Отдаваясь творческой работе,

Пушкин иногда целыми днями засиживался в кабинете, и даже жена не решалась тревожить его.

21 октября 1832 года, после краткой поездки в Москву, Пушкин начал повесть «Дубровский», окончив ее 6 февраля 1833 года. В «Дубровском» показано столкновение двух неравных сил одного и того же класса. Обнищавший, обиженный крупным помещиком Троекуровым дворянин Дубровский становится разбойником и мстит ему как виновнику смерти своего отца. Эта месть, однако, не является борьбой против основных принципов класса. «Бунт» не превращается в грозное возмездие угнетателю и обидчику. Тем не менее здесь с исключительной яркостью показаны многие отвратительные стороны крепостной России. Перед нами встают фигуры самодура-крепостника, царских продажных судей, отвратительные картины рабства и бесправия, и рядом с этим — глубоко привлекательные образы крепостных крестьян.

В «Дубровском» есть один эпизод, который невольно врезается в память. Горит дом Дубровского. Этот дом сжигают крестьяне по его приказанию, так как Дубровский не хочет оставить дом Троекурову, незаконно, путем подкупа судей, отобравшему его имение. В доме сгорают царские чиновники, нарочно запертые в нем кузнецом Архипом, полным ненависти к носителям «царской правды». В это время на крыше пылающего сарая, жалобно мяуча, появляется кошка, и вот, рискуя жизнью, суровый кузнец спасает животное. Это не случайная деталь. Благодаря ей мы еще глубже постигаем природную мужественную доброту народа и ненависть его к своим притеснителям.

3

В начале 1833 года Пушкин обратился за разрешением ознакомиться с архивными материалами по делу о восстании Емельяна Пугачева.

Весной этого года поэт с семьей переезжает на дачу на Черной речке. Каждый день он отправляется оттуда пешком в архивы и также возвращается обратно: по свидетельству современников, Пушкин был изумительно выносливым ходоком.

Говоря об этом периоде жизни Пушкина, великий русский критик Белинский писал: «Между 1831 и 1835 годом в литературе нашей произошел крутой перелом. Пушкин пошел по совершенно новой дороге... издав «Бориса Годунова» и последние главы «Онегина», он печатал, и то изредка, только небольшие пьесы... «Египетские ночи», «Русалка», «Медный всадник» и «Каменный гость» были напечатаны уже после его смерти. Сверх того, он обнаружил сильную наклонность к прозе и к важным историческим трудам, потому что его «История Пугачевского бунта» была для него самого только пробным камнем его исторического таланта, и, работая над нею, он уже готовил материал для труда более важного и великого — для истории Петра Великого».

Действительно, постоянная и упорная мысль написать историю Петра I издавна владела Пушкиным. Отзывы современников свидетельствуют, что в «Пушкине было верное понимание истории, — свойство, которым одарены не все историки». Пушкин, по словам П. А. Вяземского, был одарен, «так сказать, самоотвержением личности своей — настолько, что мог отрешить себя от присущего, создать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, по-

рядками, давно замененными новыми поколениями».

Интерес к истории проявляется в Пушкине очень рано. По окончании лицея он с жадностью прочитывает историю Карамзина. Вслед за тем внимательно изучает древнеримского историка Тацита. Пушкин знаком и с трудами современных ему западноевропейских историков.

Еще в начале 1833 года, в письме к другу Нащокину поэт жалуется на отсутствие досуга, необходимого писателю. Он тяготится обязанностями светской жизни, которую ему приходится вести ради жены. Пушкин жалуется Нащокину и на безденежье, наконец — на общую усталость от дрязг и забот. Путешествие, — пишет Пушкин, — нужно ему «нравственно и физически». Те же жалобы встречаем в письме к Осиповой: «Петербургское житье отнюдь не по мне, ни мои склонности, ни мои средства не ладятся с ним». У Пушкина появляется мысль о поездке на места, где происходило пугачевское восстание. 7 августа он получает разрешение на четырехмесячную поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии.

Пушкин выехал из Петербурга в бурный предосенний день. Остановясь ненадолго в Москве, он выезжает в Нижний-Новгород. Усталый, насилу добравшись в Нижний на пятые сутки, Пушкин, полный тревог за дом, за детей, пишет жене: «Мой ангел, кажется я глупо сделал, что оставил тебя и начал кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги. Параша, повар, извозчик, аптекарь».

Поездка, однако, увлекла поэта. Из Казани он пишет жене, что встречался и беседовал со стариками — современниками Пугачева, был в окрестностях города, осматривал места сражений. Из Казани Пушкин выехал в Симбирск. 18 сентября

он уже в Оренбурге и сообщает жене, что 20 сентября едет к яицким казакам, пробудет там три дня и поедет в Болдино через Саратов и Пензу. В Оренбурге Пушкин встретился с Далем и объездил с ним окрестности. Общие интересы их объединили. Даль был занят в Оренбурге собиранием народных сказок, песен, пословиц. Великий поэт, один из первых собирателей народных песен о Разине, явился и основоположником собирания фольклора о Пугачеве.

20 сентября Пушкин выехал в Уральск (до восстания Пугачева — Яицк, отсюда выражение «яицкие казаки») и прибыл туда 23 сентября. Успешно закончив работы по собиранию материалов, поэт по дороге в Болдино заезжает в имение Языковых. 30 сентября Пушкин — в Болдине и пишет жене, в сильной тревоге за семью (незадолго до этого, 6 июля, у Пушкиных родился сын Александр): «Что с вами? Здорова ли ты, здоровы ли дети? Сердце замирает, как подумаешь». В напряженном, нервном состоянии начинает Пушкин свою работу над историей Пугачева.

Мысли о жене, о ее светских успехах, о неосторожном ее поведении волнуют поэта. Привязчивому и доверчивому Пушкину было больно отсутствие чуткости в близком человеке, которого он искренно и горячо любил, пытаясь возвысить до себя. «Женка, женка, — писал он с горечью, с грустным, но любовным укором, — я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши — для чего? Для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себе на здоровье... Побереги же и ты меня».

В том же Болдине, где три года назад в это же время столь блестяще проявился гений Пушкина, создает он помимо истории Пугачева свои замечательные сказки о рыбаке и рыбке и о мерт-

вой царевне. Помимо сказок Пушкиным написан здесь «Анджело» и закончен «Медный всадник» — венец его поэтического искусства. В этой поэме показана борьба личного и общественного начал. Евгений, обнищавший потомок некогда знатного рода, угнетенный крушением своих надежд на личное благополучие, «бунтует» против самодержавия, в лице Петра. Образ Петра I рисуется поэтом как олицетворение непобедимой силы. Но в то же время Пушкин относится с явным сочувствием к «бедному Евгению».

2 ноября Пушкин заканчивает историю Пугачева. В середине ноября он едет в Москву, а оттуда — в Петербург. В истории Пугачева Пушкин очень ярко и с изумительной для того времени глубиной изобразил движение, возглавленное «славным мятежником» (выражение Пушкина, зачеркнутое цензурой), перед которым подчас были бессильны все умение и знания царских генералов.

Николай I приказал изменить название истории Пугачева, отказывая «славному мятежнику» в праве иметь свою историю. Последняя получила название «Истории пугачевского бунта». На ее печатание Пушкин получил двадцать тысяч рублей. Она вышла в свет в конце 1834 года.

4

1 января 1834 года Пушкин в своем дневнике, начатом 24 ноября 1833 года, записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)». Заканчивая эту запись, он добавляет не без иронии: «По мне хоть в камер-пажи, только бы не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике». Придворное звание камер-юнкера давалось молодым дворянам и было глубоко оскорбительно для Пуш-

кина, которому в то время было тридцать пять лет. Поэт сразу же разгадал истинное намерение Николая I. Его пожаловали в камер-юнкеры, чтобы дать ему официальное право бывать с женой на придворных праздниках и балах: «Двору хотелось, чтобы Н. Н. Пушкина танцовала в Аничкове, и поэтому я пожалован в камер-юнкеры», — замечает он в том же дневнике.

Это звание причинило поэту вскоре немало страданий. Если свет был, по меткому и справедливому выражению Пушкина, «грязной и гнусной лужей», то двору с его циничным и наглым развратом, угодничеством и прочими мерзостями, смело можно было бы дать эпитеты еще более резкие.

Вольнолюбивому и независимому Пушкину нелегко было мириться с придворными порядками. Письма к жене, уехавшей в калужскую деревню матери, и дневник поэта отражают настроения этого периода его жизни. В дневнике от 16 апреля поэт отметил, что царь выразил ему свое неудовольствие за неявку в придворную церковь в вербное воскресенье. На следующий день Пушкин пишет жене: «Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом, — ни за какие благополучия». Особенно тягостно было Пушкину сознание его все возрастающей от царя зависимости. «Теперь они смотрят на меня, как на холопа, — пишет он, — с которым можно поступать, как им угодно. Опала легче презрения». Вскоре поэт обнаруживает, что письма его вскрываются, и предостерегает жену. Отставка начинает представляться ему единственно возможным выходом из создавшегося крайне тяжелого положения. В письмах к жене он все время твер-

дит об этом. Тон писем порой очень мрачен. Но беспечная, поверхностная Наталья Николаевна не замечала тягостной душевной борьбы и страданий мужа. Все доводы Пушкина о том, что она мать семейства и должна думать о будущем семьи, что долги их огромны, что единственный выход — уехать в деревню для поправки дел, — на нее не влияли. Мысль о жизни в деревне никак не улыбалась молодой и красивой женщине.

25 июня 1834 года Пушкин подал было в отставку. Это вызвало страшный гнев царя. Жуковский не пожалел сильных выражений, чтобы наставить Пушкина на «путь истинный». Под влиянием Жуковского Пушкин взял прошение об отставке обратно. Духовные поработители великого поэта, Николай I, Бенкендорф и прочие большие и малые угнетатели обступали поэта все более тесным кругом.

В конце 1833 года в Петербурге появляется никому до того не известный человек, которому суждено было стать убийцей великого русского поэта. Выходец из среды французского дворянства, убежденный легитимист. Жорж Дантес после Июльской революции во Франции вынужден искать себе прибежище за пределами родины. В эмиграцию этого человека толкнула и материальная необеспеченность: революция сильно подорвала имущественное положение семьи Дантесов.

Потерпев неудачу в устройстве на военную службу в Пруссии, этот не успевший окончить курса воспитанник военной Сен-сирской школы, по совету прусского принца Вильгельма, поехал в Россию. Он вез с собой рекомендательное письмо принца Вильгельма к одному из приближенных Николая I, генералу Адлербергу. Письмо произве-

ло должное действие, и Дантес вскоре был зачислен в кавалергардский полк.

Молодой красавец Дантес быстро завоевал себе популярность среди светских дам. С женщинами он вел себя решительно и нагло. Веселый и поверхностно-остроумный собеседник, он нравился и своим сослуживцам.

Особое покровительство Дантесу стал оказывать голландский посланник в России, барон Геккерен, через некоторое время его усыновивший.

Несмотря на недисциплинированность, расхлябанность и многочисленные взыскания по службе, Дантес быстро делает служебную карьеру.

Время встречи Дантеса с Н. Н. Пушкиной относится к осени 1834 года. Наталья Николаевна произвела на молодого француза очень сильное впечатление. Ухаживания за нею Дантеса вскоре приняли решительный и дерзкий характер, вызывая сплетни в великосветских гостиных.

Своеобразной пособницей между Дантесом и Пушкиной явилась и одна из двух сестер Натальи Николаевны, Екатерина Гончарова, влюбленная в Дантеса. Она устраивала встречи Натальи Николаевны с Дантесом, чтобы лишний раз увидеть его.

Вяземский позднее считал, что «Пушкин, будучи уверен в привязанности к себе своей жены и в чистоте ее помыслов, не воспользовался своей супружеской властью, чтобы во-время предупредить последствия этого ухаживания, которое привело к неслыханной катастрофе». Однако на самом деле причины, приведшие к катастрофе, конечно были значительно глубже и крылись в общей ненависти аристократической среды к великому поэту.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПУШКИНА И ЕГО ГИБЕЛЬ

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
. . . . . .
Вы, жадною толпой стоящие у трона
Свободы, Гения и Славы палачи!

М. Ю. Лермонтов, «Смерть поэта».

1

В последние годы жизни Пушкина все явственнее звучит и в его высказываниях, и в письмах сознание безысходности своего положения. Порой его с ужасающей силой охватывает чувство одиночества, усугубляемое мыслями о смерти, которые возникают все чаще.

Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней,
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.

(Ода LVI «из Анакреона».)

Пушкин пишет Осиповой: «Поверьте мне, милая m-me Осипова, жизнь при всем том, что она сладкая привычка, содержит в себе горечь, от которой, наконец, делается противною; свет же гнусная, грязная лужа».

Доброе имя любимой жены и его собственная честь были слишком дороги поэту. Между тем отовсюду ползли скользкие и отвратительные слухи о «близости» Натальи Николаевны к французу-проходимцу. Весь ужас был в том, что сама она не сознавала тяжести создавшегося положения. Пушкина же охватило тяжелое душевное оцепенение. Он долго оставался просто зрителем раз-

вертывавшейся драмы. Причины такого состояния, овладевшего поэтом, скрывались и в материальных затруднениях последних лет. Отцовское имение разорялось. Пушкина ужасала мысль о нищете, которая могла постигнуть сестру и брата. «Я теряю время и силы душевные, — писал он, — бросаю за скошко деньги трудовые и не вижу ничего в будущем».

Поэта насильно заставляли жить в столице, но не давали возможности иметь необходимый заработок: разрешение издавать газету, которого Пушкин добился от царя, было взято обратно.

Светские и сановные враги Пушкина ловко использовали все это. Темное дело готовилось в тайне и в молчании. Слышался только злорадный смех светской черни, подготовлявшей роковой удар.

Лермонтов, написавший свои знаменитые стихи «Смерть поэта», сразу же понял, от кого исходил этот удар. И свой ответный удар он направил именно в самое сердце «свободы, гения и славы палачей», «жадною толпой стоящих у трона».

Осенью 1835 года Пушкин писал из Михайловского: «Такой бесплодной осени отроду мне не бывалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствие, а я не совсем спокоен». Жене Пушкин писал, что он не в состоянии творить только из-за денег. Он допускал продажу рукописи, созданной вдохновением, но противился торговле самим вдохновением даже под натиском острой нужды.

Мотивы одиночества, раздумья о своем смертном часе заполняют многие последние стихи Пушкина.

«В Михайловском, — пишет он жене, — нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия молодая

сосновая семья... все кругом меня говорит, что я старею... Могу я сказать с покойною няней моей: хорош никогда не был, а молод был». В последних словах слышится сознание утраченной молодости, молодости пушкинской, некогда ликующей. Надо вдуматься в эти мысли. Надо перенестись туда, в Михайловское, в одинокий кабинет поэта, где он проводил дни своей ссылки. Тогда в обществе няни находил он душевное тепло и участие. Теперь все было пусто, неприютно.

Нельзя понять тогдашнего состояния величайшего из русских поэтов, не прочитав таких вещей, как «Вновь я посетил тот уголок земли», «Когда за городом задумчиво брожу», «Странник», где слышится поистине ужасающий протест поэта против своего «жребия злобного».

И тем тяжелее становится при мысли о трагедии поэта, глядевшего на столетия вперед, что самый близкий ему человек — жена в эти последние жестокие годы даже не попыталась заглянуть в его душу. Крайне беспечная и легкомысленная, забывавшая даже в письмах к мужу писать точный адрес, она и в жизни шла без оглядки и раздумий.

2

В последние годы жизни Пушкина выходят из печати «Пиковая дама», «Путешествие в Арзрум» и в самом конце 1836 года «Капитанская дочка». Это последнее крупное произведение Пушкина, в котором он достигает наивысшего мастерства в прозе.

«Капитанскую дочку» можно перечитывать бесконечно и всякий раз находить нечто новое, столь высоко это произведение по своим художественным достоинствам. Гоголь так писал о нем: «Сравнительно с «Капитанской дочкой», все наши ро-

маны и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность дошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед ней искусственной и карикатурной».

Пушкин много и упорно работал над созданием русского исторического романа. Как и великий Гёте, он чрезвычайно ценил Вальтер Скотта, указывая на необыкновенное достоинство его романов, герои которых, по словам Пушкина, «просты в повседневных случаях жизни». Герои Вальтер Скотта удивительно естественны и вместе с тем подлинно историчны. Герои же романов его бесчисленных подражателей являли собой совершенно обратное. «Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу «à la Henri IV» проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy», — остроумно писал Пушкин по поводу неудачных попыток подражателей Вальтер Скотта изобразить в своих романах подлинных людей прошлого. Пушкин блестяще разрешил проблему русского исторического романа. В «Капитанской дочке» неподражаемо просто развернуты глубоко прочувствованные Пушкиным мысли об уродстве изживавшей себя феодальной системы. Эти мысли тесно связаны с опасениями за судьбы своей страны. Пушкин хорошо сознавал убожество крепостнической России, которая рано или поздно должна была расплатиться за это убожество в грядущих испытаниях. Мы знаем, что опасения эти сбылись меньше чем через двадцать лет после гибели великого поэта.

Гринев — центральный герой произведения — глубоко симпатичная Пушкину натура. Для него он прежде всего представитель долга и чести, не изменивший им и перед лицом смерти. Гринев противопоставлен гвардейскому шамотону и карь-

ристу Швабрину. Сложные взаимоотношения героя повести с Пугачевым раскрывают перед нами во весь исполинский рост фигуру последнего. Пугачев дан Пушкиным как личность глубоко незаурядная, с чертами гуманности и великодушия в характере.

К числу совершеннейших прозаических вещей Пушкина относится и «Пиковая дама». Пушкин показал здесь удивительное знание жизни во всех ее проявлениях. Образы представительницы прошлого, XVIII века — старухи-графини, человека нового, делового буржуазного века — Германна, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих целей, привлекательная фигура бедной воспитанницы — нарисованы Пушкиным замечательно ярко и правдиво.

В начале 1835 г. вышли в свет «Сказка о золотом петушке» и «Песни западных славян». В «Сказке о золотом петушке» чувствуется нечто большее, чем простая насмешка над беспечным сластолюбивым царем. В ней прямая угроза царю, не выполняющему свои обещания.

«Песни западных славян» — в большей своей части перевод стихотворений французского писателя Проспера Мериме, изданных под видом народных славянских песен. «Песни западных славян» написаны белым стихом (без рифм) и исполнены высокой простоты и подлинного эпического величия.

В апреле 1836 года вышел первый том журнала Пушкина «Современник». Издание журнала было долголетней мечтой Пушкина, но только в 1836 году он получил на это разрешение царя. Сотрудниками «Современника» стали преимущественно литературные единомышленники великого по-

эта, бывшие сотрудники «Литературной газеты» Дельвига. Ближайшее участие в первой книжке «Современника» принял Гоголь, с которым Пушкин сблизился в начале 30-х годов. Пушкин сразу оценил огромный талант Гоголя, помогал ему своими советами и указаниями. В частности, им были подсказаны Гоголю сюжеты главных его произведений — «Ревизора» и «Мертвых душ».

Первая книжка журнала вышла в отсутствие Пушкина, который уехал на похороны матери в Михайловское.

24 апреля 1836 года поэт вернулся в столицу. Выехав затем ненадолго в Москву для работы в архивах — собирания материалов по истории Петра I, Пушкин окончательно вернулся в Петербург. 23 мая 1836 года родился последний ребенок Пушкиных — дочь Наталья (годом ранее родился сын Григорий).

Всего несколько месяцев отделяло поэта от роковых событий, внесших тревогу и смуту в его жизнь и послуживших ближайшей причиной его гибели. Та великосветская клика, которая замышляла против Пушкина свое гнусное дело, состояла из наиболее отвратительных элементов так называемого высшего общества. Из них главную роль играла графиня Нессельроде, жена министра иностранных дел, имевшая большое значение при дворе и пользовавшаяся огромным влиянием на трусливую, малодушную придворную среду.

Большинство современников дает о графине Нессельроде самые нелестные отзывы. Это была крайне реакционная, беспринципная и наглая женщина, «баба Яга», с резким и грубым характером. Вражда ее была ужасна и опасна. Эта женщина была исполнена злобы по отношению к декабристам. По свидетельству современника, Пушкин, в свою очередь, ненавидел ее больше, чем Булга-

рина. Исключительным вниманием Нессельроде пользовался голландский посланник, барон Геккерен, усыновивший Дантеса, один из самых отвратительных экземпляров всего этого паучьего гнезда; он был завсегдатаем ее гостиной. Это был человек с самыми низкими и гадкими пороками, мелко эгоистический, пустой и ничтожный. Геккерен был постоянно окружен аристократической, светской молодежью, со многими представителями которой был в интимных отношениях противоестественного свойства. В этой среде Геккерен и нашел, по словам исследователя, «физических исполнителей своих замыслов».

Таким исполнителем, то есть лицом, написавшим пасквиль, полученный вскоре Пушкиным, был князь Долгоруков. Имя этого человека навсегда покрыто позором.

Было сделано очень много догадок и предположений о личности написавшего пасквиль. Сам Пушкин был убежден, что человеком этим был Геккерен. Называли много и других имен. Лишь недавно, в 1927 году, судебный эксперт Ленинградского губсуда Сальков, на основании экспертизы нескольких почерков, назвал миру гнусное имя — Долгоруков. Лиц, причастных к отвратительной истории с пасквилем, было много. В начале ноября 1836 года план был приведен в исполнение.

3

Накануне рассылки пасквилей ухаживания Дантеса за Н. Н. Пушкиной стали широко известны столице. Свет с зловещим любопытством наблюдал назревание конфликта.

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил в закрытом двойном конверте издевательский «диплом» на французском языке, следующего содер-

жания: «Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в великом капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадъютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь И. Борх».

Тот же пасквиль получили семь или восемь лиц, в том числе и П. А. Вяземский.

Анонимное клеветническое письмо, конечно, явилось случайным возбудителем: для Пушкина рано или поздно настал бы момент, когда он должен был выйти из положения простого созерцателя того, что происходило на глазах всех. Помимо оскорбления чести жены, пасквиль содержал ряд гнусных выпадов и против самого поэта.

В пасквиле поэт был назван историографом ордена и коадъютором Нарышкина. Звание историографа — намек на работу поэта по истории Петра I; что касается Нарышкина, то это был муж известной красавицы Марии Антоновны Нарышкиной, с которой был в связи Александр I. Коадъютор — помощник, вернее — заместитель. Называя так Пушкина, составители пасквиля клеветнически намекали на близость его положения к положению Нарышкина, то есть называли Николая I любовником Натальи Николаевны. Царь, действительно, по словам самого Пушкина, «ухаживал» за его женой, «как офицеришка». Неоднократно предупреждал Пушкин и жену, чтобы она не «кокетничала» с царем, но нет твердых оснований считать, что в то время она была любовницей Николая I.

Пушкин, как сказано, счел автором пасквиля Геккерена-отца и 5 ноября отправил вызов Дан-

тесу на дуэль. Вызов попал, однако, в руки к Геккерену. Последний был очень взволнован, понимая, что дуэль может повредить служебному положению приемного сына. В тот же день Геккерен отправился к Пушкину и попросил отсрочить дуэль сначала только на одни сутки, в надежде на то, что поэт изменит свое решение. Но Пушкин остался непоколебим. Тогда Геккерен вымолил у него отсрочку еще на две недели.

Твердая решимость поэта драться с Дантесом очень взволновала всех друзей и близких Пушкина; Жуковский и тетка Натальи Николаевны, Загряжская, напряженно думали над тем, как бы предотвратить дуэль. Между тем сам Пушкин 6 ноября пишет письмо министру финансов Канкрину, в котором просит немедленно взять в казну свое имение в уплату долга царю, дабы разом прекратить оскорбительные намеки «диплома» на причину царских милостей. Однако Канкрин отказал Пушкину в его просьбе.

Вскоре Пушкину сообщают о неожиданном желании Дантеса жениться на сестре Натальи Николаевны, Екатерине Гончаровой, в которую он якобы был влюблен. Поэт, считая намерение это продиктованным Дантесу его трусостью и желанием во чтобы то ни стало избежать дуэли, проникся к нему еще большим чувством отвращения и презрения. Тем не менее, получив официальное подтверждение Дантеса о намерении жениться на Гончаровой, Пушкин вынужден был пойти на уступки и взять вызов обратно. Свадьба состоялась 10 января 1837 года.

Однако женитьба Дантеса ничего не изменила в положении действующих лиц трагедии. Пушкин, правда, потребовал полного разрыва всяких от-

ношений Дантеса-Геккерена со своим домом. Несмотря на это, встречи на балах Дантеса с Натальей Николаевной продолжались.

Сплетни росли. Дантес подчеркнуто ухаживал за Пушкиной.

26 января 1837 года великий поэт, возмущенный поведением Дантеса, написал оскорбительное письмо Геккерену, называя его сводником.

4

В ответ секундант Дантеса д'Аршиак принес Пушкину вызов на дуэль.

Поэту найти себе секунданта было гораздо труднее. Пушкин не решался брать секунданта из числа своих друзей, так как знал, что они предпримут все возможное для предотвращения дуэли. Меж тем дуэль Пушкин считал единственно возможным выходом из создавшегося положения.

В утро 27 января поэт встал в бодром, возбужденном и даже веселом настроении. К восьми часам он был уже на ногах. В это утро он много писал. До нас дошло написанное им в этот день письмо к детской писательнице, автору «Русской истории в рассказах для детей», А. О. Ишимовой. Пушкин хотел привлечь ее к работе в своем «Современнике» и поручил ей перевести несколько драматических сцен английского поэта Барри Корнуоля. Ишимова просила поэта быть у нее 27 января. Он взял ее «Историю» и с увлечением погрузился в чтение. Потом отправил писательнице письмо с томиком Корнуоля. Тон письма был удивительно спокойный, ясный, свидетельствовавший об огромной твердости поэта.

В начале десятого часа пришла записка от д'Аршиака, в которой он торопил поэта с присылкой секунданта.

По рассказу Жуковского, совершенно случайно Пушкин увидел проходившего мимо его квартиры своего лицейского товарища, инженерного офицера Данзаса. Пушкин выбежал, привел его к себе в кабинет и получил его согласие быть секундантом. Данзас поехал за пистолетами.

Приготовившись к поединку, Пушкин вышел из дому в час дня. Через полчаса он встретился с Данзасом в условленном месте и повез его к д'Аршиаку во французское посольство. Прочитав копию своего письма к Геккерену, он отдал ее Данзасу и оставил секундантов для выработки условий дуэли.

Было решено: расстояние между противниками двадцать шагов; стрелять, не переходя барьера; после выстрела не разрешается менять места; в случае безрезультатности первых выстрелов поединок начинается снова с того же расстояния. Поединок должен был состояться в пятом часу дня. Место — за комендантской дачей на Черной речке.

Пушкин поджидал Данзаса в кондитерской Вольфа. В четыре часа они сели в сани и поехали к Троицкому мосту. Пушкин был спокоен и оживлен.

Сани противников остановились почти в одно время. Они вышли. Снег был глубокий. Дул сильный ветер. Секунданты вытоптали снег, выровняли площадку. Пушкин, сидя на сугробе, равнодушно смотрел на приготовления к дуэли. Наконец все было сделано.

Данзас дал сигнал. Противники стали подходить к барьерам. Раздался выстрел Дантеса. Пушкин упал, тяжко раненный в нижнюю часть живота. Падая на шинель Данзаса, он произнес по-французски: «Я ранен». Пистолет его выскользнул, зарывшись дулом в снег. Несколько секунд Пуш-

кин оставался недвижим. Затем он приподнялся до половины, опираясь на левую руку, и проговорил, обращаясь к подбежавшим секундантам: «Подождите, у меня хватит сил, чтобы сделать мой выстрел». Дантес стал на свое место. Данзас подал Пушкину новый пистолет. После выстрела Дантес зашатался и рухнул в снег. Он был контужен.

Секунданты усадили Пушкина в сани. Через некоторое время встретили карету, присланную Геккереном. Решено было, скрыв от поэта имя ее владельца, пересадить его туда. Так и было сделано, и Данзас поехал со смертельно раненым другом в окутанный сумраком город.

5

Когда карета подъехала к дому, Пушкин попросил Данзаса пойти вперед и вызвать людей. Он просил его также предупредить жену, сказав, что рана не опасна.

«Грустно тебе нести меня»,— сказал Пушкин, когда «дядька» Никита, проведший с поэтом кишиневскую ссылку, взял его на руки и понес в дом.

Наталья Николаевна, увидя, как вносили ее мужа в кабинет, упала без чувств.

Пушкин разделся и сам переменил белье. Затем лег на диван и только тогда разрешил войти пришедшей в чувство жене. Было послано за докторами. Придворного хирурга Арендта не нашли; пришли врачи Шольц и Задлер. С Пушкиным оставались до их прихода Данзас и Плетнев. С приходом врачей поэт попросил друзей выйти. Врачи осмотрели рану. Задлер уехал за инструментами. Оставшись с Шольцем, поэт спросил его: «Что вы думаете о моей ране?» Шольц ответил,

что рана опасная. «Скажите мне, смертельная?»— сказал Пушкин. «Считаю долгом не скрывать и этого»,— произнес Шольц Пушкин поблагодарил его за откровенность.

«Не желаете ли вы видеть кого из ваших ближних приятелей?— спросил Шольц. Глядя на томы своей библиотеки, Пушкин произнес: «Прощайте, друзья».

Вернулся Задлер, с которым приехал еще один врач, Соломон. Вскоре явился Арендт. Он также увидел, что надежды на благоприятный исход не было. У Пушкина был раздроблен позвоночник, и осколки кости вдавились в кишечник. Сделали холодные примочки, тогда кровотечение остановилось. Доктор Спасский всю ночь дежурил у постели великого поэта. С того момента как Арендт нашел положение его безнадежным, Пушкин не стал скрывать от жены опасности своего положения. Он прямо сказал ей: «Арендт приговорил меня, я ранен смертельно».

«Не давайте излишних надежд жене»,— сказал он Спасскому. Скоро приехали П. А. Вяземский с женой, Виельгорский, Жуковский. Страдания, причиненные раной, Пушкин выносил с героическим мужеством. «Я был в тридцати сражениях,— говорил доктор Арендт,— я видел много умирающих, но мало видел подобного . К пяти часам утра 28 января мучения Пушкина стали ужасными. К семи часам боли прекратились. С этого момента поэт не издал более ни одного стона. Вскоре он попросил привести детей и жену. Сцена прощания была очень тяжелой.

Пушкин заметно слабел. Однако прием опиума его успокоил В это время пришел Даль и все время ободрял великого поэта. Почти всю ночь Даль просидел у постели. Один раз поэт спросил у него: «Кто у жены моей?» Даль ответил. «Много доб-

рых людей принимает в тебе участие; зало и передняя полны с утра и до ночи».

Жуковский, покинув Пушкина в пять утра 29 января, снова вернулся к семи утра.

Пульс слабел. Пушкин лежал с закрытыми глазами. Иногда лишь он поднимал руку, чтобы взять немного льду из стоявшей подле чашки и потереть им лоб.

В два часа пополудни поэт попросил привести жену. Она опустилась на колени и прижалась лицом к его лицу. В ней теплилась надежда, что он будет жив. Между тем уже наступали последние минуты жизни поэта. Уже совсем перед кончиной он попросил Даля поправить ему подушки. Затем впал в забытье. Поэту грезилось, что он взбирается по книжным полкам своей библиотеки все выше... высоко... голова закружилась. И будто, просыпаясь, промолвил, обращаясь к Далю: «Кончена жизнь», и снова повторил ему же: «Жизнь кончена».

В три четверти третьего часа 29 января 1837 года Пушкина не стало.

6

Мечта великого поэта об уходе от грязи и пустоты двора и «света» в уединение, в деревню, чтобы там начать новую и славную страницу своего творчества, не сбылась. Вместо этого он лежал в гробу, а бесчисленные толпы русских людей проходили через квартиру Пушкина на Мойке, чтобы проститься с тем, кто создал для них русский литературный язык и основал новую русскую литературу.

Но кто были все эти люди, шедшие, как волны прилива, прощаться с тем, кто стал гордостью всей России? С Пушкиным шли прощаться все те, кому были дороги честь и достоинство своей

страны. Это были передовые круги общества всех без исключения состояний: русская интеллигенция, разночинцы, и даже тогдашний забитый «серый» люд. «За исключением двора и приближенных, весь Петербург плакал», — рассказывает А. И. Герцен.

Николай I скоро убедился, что смерть Пушкина была принята русским обществом как страшная и невознаградимая потеря. Дело шло о «солнце нашей поэзии». Уступая этой силе, впервые одержавшей победу, царь вынужден был предать суду и разжаловать в солдаты убийцу поэта, Дантеса, и выслать его за границу. Предложено было оставить пределы России и голландскому посланнику Геккерену.

Николай I не на шутку опасался, что предстоявшие похороны великого русского поэта могут вырасти в мощную демонстрацию протеста и негодования против его убийц и гонителей. Предполагавшееся отпевание Пушкина в Исаакиевском соборе было отменено, и в ночь с 30-го на 31-е января тело его было перевезено с квартиры в придворную Конюшенную церковь. Первого февраля в одиннадцать часов утра было совершено отпевание Пушкина. Наряду с друзьями великого поэта лицемерно присутствовали здесь и представители позолоченной черни, те, кто еще так недавно «гнали его свободный, смелый дар».

2 февраля псковскому губернатору было послано распоряжение, чтобы при погребении тела Пушкина в Святогорском монастыре не было никаких церемоний

В полночь с 3-го на 4-е февраля к церкви подъехали дроги с двумя кибитками. В одной из них находился А. И. Тургенев, старший друг поэта, благодаря хлопотам которого Пушкин был определен в лицей. Ему разрешено было проводить тело великого друга до места вечного успокоения.

В другой кибитке сидел жандармский офицер. На дроги поставили просмоленный ящик с гробом. Там же поместился верный дядька поэта Никита. И вот по зимним сугробам во весь опор помчалась эта жуткая «похоронная процессия». Невольно сжимается сердце при мысли, что так недавно полный жизни Пушкин, жилищем которого был весь мир, загнан теперь в тесный свинцовый гроб и просмоленный ящик.

К девяти часам вечера 4 февраля тело Пушкина было привезено в Псков. В ту же ночь, по распоряжению псковского губернатора, тело Пушкина через город Остров было направлено в Святогорский монастырь, куда прибыло в семь часов вечера 5 февраля. Самодержавие со страшной стремительностью спешило похоронить прах великого русского поэта. Как пишет П. В. Анненков, «мертвый мчался к своему последнему жилищу, мимо своего опустевшего сельского домика, мимо трех любимых сосен, им недавно воспетых».

6 февраля на рассвете состоялись, в присутствии А. И. Тургенева, дядьки и жандарма, похороны Пушкина в Святогорском монастыре, рядом с могилой его матери.

ЗНАЧЕНИЕ ПУШКИНА

Великие имена сверкали в литературах западных народов. Такие имена, как Данте, Петрарка, Рабле, Расин, Корнель, Шекспир, Байрон Гёте, составляют славу и гордость итальянцев, французов, англичан, германцев.

Кого имели мы из великих поэтов-художников до появления Пушкина? Кем могли мы гордиться? У нас не было таких имен. «Появился великий русский поэт Пушкин, и как только появился — он стал необходимым. Читали других поэтов,

восторгались ими, но Пушкин в руках каждого цивилизованного русского, и он перечитывал его всю жизнь». Так сказал Герцен о великом поэте.

Да, многогранностью, широким размахом своего творчества Пушкин затмил и затмевает всех остальных в нашей литературе. Мы с полным правом можем приложить к нему эти строки его современника, поэта Баратынского, написанные на смерть Гёте:

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа:
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

К кому из других русских поэтов с таким безусловным правом мы осмелились бы приложить эти прекрасные строки? С полным правом говорим мы, что жилищем Пушкина был весь мир. В России рано почувствовали исключительность его гения. И скоро Пушкин стал нашей гордостью. Как ни один из русских и редко кто из мировых писателей, отразил он в своем творчестве множество стран, народов, эпох, начиная с седой древности и кончая той эпохой, в которую жил.

С тягостным чувством воспринимаем мы его преждевременную гибель. В нем утратили мы слишком много. И ныне, склоняя головы над его могилой спустя сто лет после его гибели, все народы, населяющие СССР, испытывают тяжелое чувство утраты, потому что Пушкин глубоко вошел в сердце каждого гражданина нашей великой родины.

Страшное слово «умер» неприложимо к Пушкину. Он не умер. Он живет в сердце каждого из нас.

Особенно дорого нам свидетельство великого Горького о творческой мощи Пушкина. «Полнозвучные строки стихов, — писал Горький, вспоми-

ная свое тяжелое детство, — запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они: это делало меня счастливым, жизнь мою легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье быть грамотным».

Значение Пушкина как величайшего мастера художественного слова, как творца величайших литературных произведений выходит далеко за пределы нашей родины. И несомненно, место его рядом с гигантами мировой литературы.

Более чем кто-либо другой из русских поэтов, Пушкин в жизни и творчестве был человеком огромного размаха, большой страсти, сильных душевных движений, энергических поступков.

Пушкина как писателя отличала исключительная работоспособность. Он прожил недолго, но за двадцатилетний период своей творческой деятельности оставил огромное литературное наследство.

Каждый читатель, начинающий поэт и писатель нашей великой родины должны с особенной любовью относиться к литературному наследию Пушкина.

Пушкин своим личным примером учит нас, как надо работать в области художественного слова, чтобы в результате было создано нечто ценное, достойное уважения других и своего собственного. Мы знаем, с какой кропотливостью и редкой добросовестностью поэт работал над каждым словом своих произведений. К себе как к автору Пушкин был беспощаден. В глубине своей чуткой совести он находил свой «высший суд».

Великий поэт был горд, но ему были совершенно чужды всякого рода зазнайство, чванство или ложный стыд. «Будучи русским писателем, — говорит Пушкин, — я всегда почитал долгом следовать за текущей литературой и всегда читал с особенным вниманием критики, коим я подавал

повод. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего противника и следовать за его суждениями, не отвергая оных с самолюбивым нетерпением». Даже к тогдашней критике, крайне мелочной и пустой, Пушкин относился с терпением, пытаясь найти хотя бы крупицу истины в ее суждениях.

Для подавляющего большинства литературных предшественников Пушкина литература не являлась основным делом — делом всей жизни. Если для некоторых писателей литература и была серьезным занятием, то никто не решался посвятить себя ей всецело. Человеку из общества получать литературный гонорар считалось в то время неприличным и предосудительным. Ни Державин, ни Дмитриев, ни Жуковский не были литераторами в том смысле, как это понимаем мы или как это приложимо к Пушкину. Впервые только он глубоко понял, что литература — дело исключительной общественной и национальной важности. Уважая себя как литератора и заставляя власти с собой считаться, провозгласив впервые: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», Пушкин поднял звание литератора на небывалую до того высоту. Поэт в представлении Пушкина — выразитель духовных сил народа, и задача его — осмыслить, продумать, прочувствовать и изобразить все явления жизни.

В нашу эпоху Пушкин входит как сеятель, бросавший семена любви, дружбы, гуманности, человечности, свободы и мира. Именно эти лучшие, привлекающие нас черты пушкинского гения, за которые он был поруган и погиб в бездушном старом мире, так дороги нам в великом поэте.

Пушкин, радостно устремлявшийся навстречу жизни, порывался, как молодой орел, расправить во всю ширь мощные крылья своего гения.

Несмотря на всю тяжесть гнета окружающей его действительности, на всю ее безысходность поэзия Пушкина сверкает ослепительной жизнерадостностью. Поэт всегда полон веры в будущее своего народа.

Незадолго до гибели, в селе Михайловском, тревожно размышляя о своей судьбе, поэт заметил в роще цветение молодой древесной поросли. В своих знаменитых стихах «Вновь я посетил...» поэт сравнил эту поросль с будущими людскими поколениями. И хотя он знал, что не увидит полного расцвета жизни этих поколений, но знал он и то, что будущие люди вспомнят о нем, достойно оценят его жизненный подвиг.

«Здравствуй, племя младое, незнакомое», — обращается поэт с приветствием к шагающей вперед молодости. Эти слова глубоко западают в душу. Эти слова звучат приветствием нашему времени, пушкинским приветствием, брошенным в даль за век вперед.

Ответим же на это приветствие нашим громким и горячим отзывом:

— Здравствуй, великий Пушкин!

5141

Торчаков – длинноногий
дядьке вечно [illegible]

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1200424112